

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

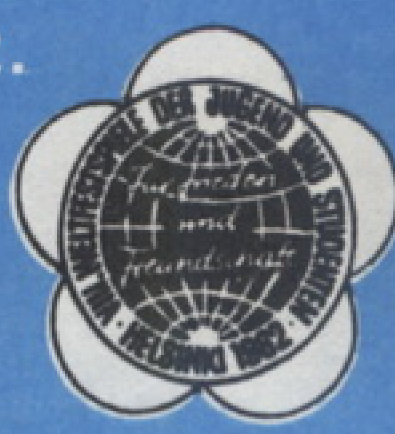
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Январь
№ 1/85

ISSN 0131—5994

ХЕЛЬСИНКИ. 1962.

VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов состоялся в Хельсинки с 28 июля по 6 августа 1962 года. 18 тысяч юношей и девушек представляли 137 стран. Лозунг фестиваля: «За мир и дружбу!»

«Фестиваль в Хельсинки с его братскими встречами, его манифестациями, выступлениями артистов и спортивными состязаниями явился высшим выражением общей воли молодого поколения добиться торжества мира, дружбы и взаимопонимания между народами, утвердить повсюду право на национальную независимость и поставить на службу человечеству открытия и завоевания науки и техники».

Из Воззвания участников VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов «За мир и дружбу!» к молодежи мира

ШАГИ

ЭСТАФЕТА СОЛИДАРНОСТИ

● Молодые строители Хельсинки отработали по 10 часов на субботниках по созданию фестивальных эстрадных площадок.

● Кубу представляли 414 делегатов. Среди них сто с лишним девушек. Все делегаты были выбраны на общих собраниях коллективов заводов, фабрик, кооперативов, институтов, воинских частей. Полпреды мира и братства своей кровью, своим трудом заслужили право поехать на фестиваль. Мигель Родригес, 12 лет, самый юный из них. В дни революции Мигель был связным между штабом партизанского движения в горах Сьерра-Маэстра и повстанческим центром города Монсанильо. Много раз бесстрашный кубинский Гаврош обманывал шпиков Батисты, под самым носом у врага доставляя важные сведения.

● Фестивальную лотерею организовал Национальный подготовительный комитет Аргентины. Выигрыш — путевка на фестиваль, было продано свыше 100 тысяч лотерейных билетов.

● «Чемодан дружбы» привезли в Хельсинки делегаты Франции. В нем тысячи открыток, предназначенных для молодых посланцев Алжира — страны, которая в преддверии фестиваля, после многолетней борьбы с французскими колонизаторами, обрела национальную независимость. Вот текст одной из открыток: «Дорогой друг! Я тебя не знаю, но счастлив с тобой подружиться через Антуана, который везет эту открытку. Я счастлив, что твоя родина завоевала свободу. Надеюсь, что однажды мы с тобой встретимся. Твой марсельский друг...»

● Исполняющий обязанности генерального секретаря ООН У Тан поручил директору информационного центра ООН участвовать в качестве наблюдателя в коллоквиуме руководителей молодежного движения по проблемам мира и национальной независимости. Коллоквиум — одно из главных событий 5-го дня фестиваля — «Дня молодых наций». Ранее ООН не была представлена на фестивалях.

СЛОВО К МОЛОДЕЖИ МИРА

Юрий ГАГАРИН, первый космонавт Земли: «Я очень рад быть среди вас, видеть на ваших лицах улыбки, убедиться в вашем стремлении к миру и дружбе».

Ахти КАРЬЯЛАЙНЕН, премьер-министр Финляндии: «Я надеюсь, что проводимый в Хельсинки VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов «За мир и дружбу!» будет содействовать делу мира и взаимопонимания между народами».

Модибо КЕЙТА, президент Мали: «Ваш фестиваль является важным вкладом в поиски мира во всем мире, в котором так нуждаются наши молодые государства для обеспечения своего гармоничного развития».

Николас ГИЛЬЕН, кубинский поэт: «Я желаю большого успеха участникам VIII Всемирного. Это большое собрание молодежи должно служить тому, чтобы юность всех частей света достигла прочного единства. А этого можно добиться только тогда, когда в мире будет мир. В такое трудное и тревожное время, в какое мы живем, фестиваль должен сделать большой шаг вперед по этому пути, пути мирного сосуществования и дружбы между всеми молодыми людьми, всеми народами».

Маркос АНА, испанский поэт-антифашист: «Я вижу огромное значение фестиваля прежде всего в том, что здесь собрались представители молодого поколения всех стран мира. А молодежь — это будущее мира. Она очень хорошо понимает, что самая главная ее задача — это защищать мир, строить мир. Это она, молодежь, больше всего страдает от войны. И поэтому очень хорошо, что сама молодежь так решительно выступает за мир. Фестиваль — замечательное дело».

КОЗНИ ПРОТИВНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ

● Программа «антифестивальщиков» была рассчитана не на один день. Вопрос о том, как сорвать всемирную встречу молодежи, дважды обсуждался в НАТО. Был создан специальный центр в соседней Швеции. В Хельсинки прибыли десятки агентов ЦРУ и разведки ФРГ.

● В канун фестиваля, с 12 по 13 июня 1962 года, в Бонне состоялось заседание президиума «Международного комитета по охране христианской культуры». Единственный пункт повестки дня совещания — «Борьба против VIII Всемирного».

● 250 тысяч долларов было ассигновано правительством США специально на антифестивальные нужды.

● Государственная казна ФРГ полностью оплачивала поездку в Хельсинки антифестивальных групп.

● Гамбургский суд запретил пропаганду идей фестиваля, квалифицировав ее как «действие, угрожающее безопасности государства». В Западной Германии был создан «межминистерский» комитет по борьбе с фестивалем.

● На средства ЦРУ в финской столице издавалась на трех языках антифестивальная газета «Молодежные новости Хельсинки».

● В Хельсинкском порту бросило якорь судно «Матильда» со студенческим «баром», в котором потчевали виски и бесплатной антикоммунистической литературой.

● В Хельсинки прибыли представители откровенно фашистской организации «Общество Джона Бэрча» и различных реакционных эмигрантских групп, нашедших прибежище в США. Их задача — устраивать дебоши и драки... Примечательная деталь: вдоль трассы, по которой должна была проезжать советская делегация, заранее были собраны камни. А американская телевизионная машина была наготове, чтобы заснять запланированные «происшествия» на пленку.

ФЕСТИВАЛЯ

ХРОНИКА ФЕСТИВАЛЯ

● Одним из крупнейших мероприятий явился коллоквиум руководителей молодежных организаций более чем ста стран по вопросам мира и национальной безопасности.

● Клуб советской делегации «Юность» встречает посетителей транспарантом «Добро пожаловать!». Здесь гости могут послушать русскую классическую и современную музыку, посмотреть кинофильмы, познакомиться с творчеством молодых художников, испробовать русского чая с сушками. В клубе встречаются молодые сельские труженики и любители книг, художники и литераторы.

● Для студентов разных стран создан Международный студенческий клуб. Большой интерес участников фестиваля вызвал студенческий семинар «Принципы демократизации образования».

● В городской ратуше Хельсинки состоялась встреча участников фестиваля, являющихся представителями и сотрудниками муниципалитетов. В ней приняло участие около 60 делегаций.

● В промышленном центре Рауме встретились молодые металлурги. Здесь же состоялся бал дружбы рабочих разных стран.

● В парке «Кайсаниеми» прошла манифестация солидарности с молодежью колониальных стран и молодых независимых государств.

МОСКВА. 1985.

МОСКВА. Как отмечалось на пресс-конференции Бюро международного молодежного туризма СССР «Спутник», в дни XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов ожидается приезд в Москву более 20 тысяч советских и иностранных туристов. «Спутник» предлагает поездки по городам Советского Союза с четырехдневным пребыванием на фестивале. БММТ «Спутник» является активным членом Международного бюро туризма и обменов молодежи (БИТЕЖ) при ВФДМ. В июне 1985 года планируется организовать интерпоезд БИТЕЖ с посещением столиц предыдущих фестивалей. XII Всемирному бу-

дут посвящены также другие международные акции БИТЕЖ. Среди них — спортивно-туристский центр в Международном молодежном центре (ММЦ) «Юность» в Минске, Международный центр коллективов художественной самодеятельности в ММЦ «Спутник» в Сочи.

АДДИС-АБЕБА. В Эфиопии состоялся субботник, средства от которого перечислены в фонд фестиваля. Программа подготовки Ассоциации молодежи революционной Эфиопии (АМРЭ) к форуму юности включает в себя широкую пропаганду идей и принципов фестивального движения, организацию социалистического соревнования за право представлять молодежь страны в Москве.

УЛАН-БАТОР. В столице Монголии подведены итоги воскресника, посвященного предстоящему XII Всемирному. В дне ударного труда приняли участие около полумиллиона юношей и девушек МНР.

1985 ГОД — ГОД 40-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ, которая и сегодня наполняет наши сердца гордостью за могущество социалистической Родины, переломившей хребет фашистскому зверю, благодарностью к отцам и дедам нашим, повергшим к подножию Мавзолея гитлеровские знамена, счастьем родиться и жить в мире, добытом для нас 40 лет назад.

1985 ГОД — ГОД XII ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В МОСКВЕ, который соберет посланцев разноязыкого молодого поколения Земли. Столица нашей страны встретит их словами мира, дружбы, солидарности в общей борьбе против империализма, против угрозы войны.

1985 ГОД — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД МОЛОДЕЖИ. Таким он объявлен Организацией Объединенных Наций, мировым сообществом народов, чтобы привлечь внимание планеты к насущным нуждам молодых и их законным требованиям, чтобы поддержать выступления миллионов юношей и девушек планеты за право на труд, образование, жизнь.

Советские люди с теплом и радушием готовятся встретить участников XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов... Нет сомнения, что испытанное временем фестивальное движение вновь ярко продемонстрирует возросшую антиимпериалистическую солидарность молодежи, ее готовность к активным действиям ради мира на земле, ради дружбы народов.

Из приветствия К. У. Черненко участникам международной встречи трудящейся молодежи «За право на труд, за право на жизнь»

МИР. НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ

Павел НАУМОВ,
председатель правления агентства печати «Новости»,
депутат Верховного Совета СССР

Всемирные фестивали молодежи подобны вехам на послевоенном пути развития международного молодежного движения. Каждый из одиннадцати незабываемых праздников юности, прошедших за четыре десятилетия после победного 1945 года, был яркой страницей, итожившей определенный этап борьбы молодого поколения планеты за мир и единство, за взаимопонимание и сотрудничество, против недоверия, разобщенности, подозрительности. Против угрозы войны.

Каждый из фестивалей имел собственное лицо. Ни один не был похож на предыдущий. Каждый нес яркую национальную окраску страны, распахнувшей свои границы перед молодыми людьми всех континентов, юношами и девушками разного цвета кожи, различных вероисповеданий и убеждений.

Но как неизменны, однообразны были все эти годы враги фестивального движения в своей злобе, в своих «аргументах», в своей несбыточной надежде опорочить его животворные идеи! Буржуазная пропаганда всякий раз, как говорится, лезла вон из кожи, чтобы представить Всемирные фестивали «затеей Кремля», возвести бастионы отчужденности, предвзятости, клеветы, отпугнуть молодых людей друг от друга, помешать их единению и общению.

Тем, кто решался ехать в Прагу или Берлин, Москву или Софию, Вену или Гавану, реакционные силы грозили увольнением с работы, отказом в визах, арестами, отлучением от церкви и преданием анафеме, исключением из рядов юношеских организаций. И это были далеко не пустые угрозы![1]

Чего же так боятся наши идейные противники, без умолку кричащие о «свободе общения», «свободе выбора», «свободе передвижения»! Логика их рассуждений предельно проста: а вдруг молодые люди вернутся из Праги, Москвы или Будапешта «зараженные» симпатией к социалистическому строю, увидят в нем те преимущества, которые недостижимы в условиях капитализма! Или вдруг в Вене или в Хельсинки почувствуют животворную силу разрядки, обнаружат шанс, который дает миру мирное сосуществование различных социальных систем!

Именно это заботило и страшило в свое время Аллена Даллеса и страшит сегодня духовных наследников этого супершпиона американского империализма, которым ненавистна сама мысль о возможности взаимопонимания и дружбы молодежи Востока и Запада.

Мне пришлось участвовать в подготовке репортажей для «Правды» из фестивального Берлина 1951 года, третьей по счету всемирной встречи молодежи. Тогда для нас, журналистов, еще так недавно носивших военную форму, встреча с молодежью 104 стран имела особый

[1] *См.: Инсбрукская история.—«Ровесник», 1984, № 11.— Примеч. ред.*

смысл по многим причинам. На первом фестивале в Праге посланцы различных стран увидели пепелище Лидице — один из следов варварства и бесчеловечности фашизма на израненной земле Европы. Вдохнуть жизнь в безмолвные руины, сделать место беды памятником и предупреждением на все времена — такой была воля чехословацкого народа. Посланцы мира внесли в это благородное дело свой интернациональный вклад, участвуя в восстановлении сожженной дотла деревни. Молодых немцев тогда среди участников фестиваля не было.

Но уже в 1949 году в Будапешт впервые прибыли 750 немецких юношей и девушек. Через четыре года после капитуляции «третьего рейха», когда воспоминания о гитлеровском нашествии и оккупации были повсюду свежи в памяти, молодые немцы из восточной части Германии пересекали границы с мирной миссией.

Позднее члены этой делегации вспоминали, с каким волнением они ждали появления чехословацкого пограничного столба. Ведь так недавно это был рубеж, который с ходу брали гитлеровцы, ворвавшиеся в соседнюю страну на танках и бронетранспортерах, с оружием в руках.

Фестиваль в столице Венгрии встретил молодых немцев как равных. Во всех дискуссиях звучала одна мысль — пусть ужасы фашизма больше никогда не повторятся. Никогда и нигде!

И, наконец, 1951 год, Берлин... Еще с не зажившими военными ранами, поднимающийся из руин, он встречал посланцев земного шара, как бы говоря: «Не допустим, чтобы опасность новой войны исходила с немецкой земли!» Но западные оккупационные власти не дремали. Они сделали все, чтобы преградить путь на фестиваль тысячам юношей и девушек из Западной Германии. Перед ними опустились пограничные шлагбаумы, их травили полицейскими овчарками, охотились за каждым, кто ночью рисковал переправиться через Верру, желая оказаться в столице Германской Демократической Республики, где бурлил самый мирный из праздников юности.

Листая старые журналистские блокноты, сегодня по-новому смотришь на детали, казавшиеся такими обычными тогда, более чем три десятилетия назад.

Самое искреннее проявление чувств молодых людей можно было видеть в поклонении подвигу советского солдата. Это он вернул свободу народам Европы, еще и еще раз доказал справедливость предупреждения своих великих предков: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». День уважения гости Берлина отдавали и узникам фашистских концлагерей, людям в полосатых робах и с выжженными номерами на запястьях, немногим чудом оставшимся в живых антифашистам.

В яркое многоцветье национальных костюмов и голубое море рубашек членов Союза свободной немецкой молодежи естественно вписывалась боевая форма советских воинов, тут же были борцы Сопротивления Франции, партизаны Италии и Югославии. И в простых жестах приветствия тем, кто столь дорогой ценой добывал право мира на мир, жила твердая надежда и вера в будущее: никогда и никому не дадим больше разжечь войну!

А посланцы нашей страны испытывали чувство особой гордости, потому что здесь юность Земли благодарила наш народ за то, что он помог французам освободить Париж, англичанам спасти Лондон, помог бельгийцам, югославам, венграм... Да разве всех перечислишь! Здесь, в Берлине, все без исключения чувствовали цену общей победы над злом, цену выстраданного миром счастья.

И как актуально звучат сегодня слова, произнесенные тогда в День борьбы против ремилитаризации Западной Германии: «Мы заявляем, что немецкая молодежь в состоянии сорвать преступные планы заокеанских поджигателей войны и их западногерманских пособников».

Вспоминается, как еще тогда, в жарком августе 1951 года, молодежь познала на себе коварство врагов мира, которые натравили на нее «блюстителей порядка». Когда по приглашению магистрата одного из районов Западного Берлина колонны демонстрантов направились со знаменами и песнями к границе, чтобы выразить свою солидарность с юными борцами за мир из западных секторов города, на безоружные колонны был обрушен град полицейских дубинок, их встретили струи водометов и яростные атаки подготовленных для этой встречи банд фашиствующих молодчиков. Свыше 400 человек получили ранения. Весь сценарий был скроен по образцу, который и сегодня пускается в ход в борьбе с лагерями мира в Гринэм-Коммон или Комизо, против мирных пикетов в районе Мутлангена, где в ФРГ размещены американские крылатые ракеты, против демонстраций сторонников мира на улицах голландских, датских и других городов Европы.

XII Всемирный... Он возвращается через 28 лет снова в столицу Советского Союза, принимая эстафету Гаваны. Часто по очень простым и обыденным фактам можно ощутить грандиозные перемены, которые произошли в мире. Известно, что одна из традиций фестивалей — сажать деревья как символ торжества жизни над смертью. И в этом действительно есть что-то символи-

ческое, если вспомнить, как когда-то великий Шекспир двинул Бирнамский лес против злодейства Макбета. Парки дружбы шумят во всех фестивальных столицах. О первой встрече юности в Москве напоминает березовая роща у Северного порта в Химках. И есть здесь дерево, хранящее прикосновение рук легендарного команданте Карлоса Фонсеки Амадора, одного из основателей Сандинистского фронта национального освобождения. Тогда, на VI фестивале, двадцатилетний юноша, только что вырвавшийся из сомосовских застенков, преодолел не одну тысячу километров, добираясь до советской столицы. Широко открытыми глазами всматривался он в первую страну победившего социализма. И посаженное им деревце было символом надежды, что и на землю его многострадальной родины придет освобождение от тирании. По возвращении в Манагуа Карлоса ждала тюрьма, из него старались выбить признания о несуществующих инструкциях, якобы полученных в СССР. В тюремной камере молодой революционер начал писать книгу «Никарагуанец в Москве». Он вспоминал все увиденное: дома, музеи, заводы, книги, людей — сверстников со всего мира, пионеров, повязавших ему алый галстук, студентов, рабочих, колхозников.

«Для нас,— писал он,— рассвет уже перестал быть несбыточной мечтой. Я верю, скоро настанет день, и над нашей страной взойдет солнце свободы, и в ней воцарятся добро и справедливость». Сегодня это время пришло. Карлосу Фонсеке не суждено было увидеть его, он погиб во имя торжества справедливости и свободы, завещая живущим соотечественникам веру в идеалы социальной справедливости. А его береза, у которой недавно, по решению Моссовета, установлена памятная доска, стала теперь местом традиционных встреч всех, кому дороги свобода, независимость и интернациональное братство.

И как сказал в Кремле во время одного из приездов в Москву член Национального руководства СФНО, координатор Руководящего совета правительства Национального возрождения Никарагуа Даниэль Ортега (ныне президент республики), дерево, посаженное команданте Карлосом, «выросло и превратилось в прочный и нерушимый символ отношений между нашими народами, правительствами и партиями».

XII фестиваль созывает молодежь всех частей света под свои знамена в тревожное время. Над человечеством нависла реальная угроза гибели в ядерном шквале, которую может и должна предотвратить могучая воля миллионов. Юность чувствует свою ответственность за то, чтобы остановить гонку вооружений, этот бег в никуда, отнимающий у нее возможность жить как подобает человеку, наполняющий ее ум ненавистью, пожирающий миллиарды, так необходимые для строительства школ, для спасения миллионов детей от недоедания, для защиты окружающей среды, для того, чтобы не слышать страшного слова «безработный».

Сегодняшнее молодое поколение по праву может быть названо антивоенным. И участие многих сотен тысяч юношей и девушек в выступлениях против надвигающейся опасности ядерной войны, которые нередко сопровождаются ожесточенными схватками с полицией и армейскими подразделениями,— бесценная практическая школа политического воспитания нынешнего молодого поколения. И в этом весьма перспективный «задел» на ближайшее будущее, конкретным подтверждением чему является антивоенный подъем, с которым молодежные организации разных стран приступили к подготовке Московского фестиваля.

Борьба за мир несовместима с эгоизмом и равнодушием, с мещанским стремлением обеспечить себя маленькими личными удовольствиями. Вступая в эту борьбу, каждый молодой человек делает решительный выбор: «Если не я, то кто!» Кто, если не я, избавит мир от кровопролития и нищеты, от грубого произвола, от растлевающей души частнособственнической морали, от страха перед завтрашним днем!

Все мечты, стремления и планы молодежи могут стать реальностью только в условиях прочного мира на нашей планете, когда будут выброшены на свалку истории безумные сценарии «звездных войн», чудовищные проекты смертоносного оружия — нейтронного, лазерного, биологического.

Сегодня мир неделим, неделимы его безопасность и угрожающие ему опасности. И это понимает молодежь острее, чем кто-либо. В наши дни много говорят о силе термоядерного оружия, силе разрушительной. Но есть другая, бо́льшая сила — сила созидания, сила молодости, желающей жить лучше, разумней, человечней, чем ее отцы и деды.

Успехи политики мира позволяют рассматривать судьбы живущего и будущих поколений в более светлой и оптимистической перспективе. И далеко не случайно, что именно молодежь, та возрастная группа, интересы которой в наибольшей степени обращены в грядущее, столь деятельно и активно становится на сторону политики мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества, разделяет предложения и инициативы, последовательно и целеустремленно выдвигаемые Советским Союзом и другими социалистическими странами. Молодое поколение не одурачить «миротворческой риторикой» западных политиков, которой прикрываются зловещие милитаристские планы, ей чужды оголтелый шовинизм, враждебность между народами, культ силы и национальной исключительности.

В наши дни любому здравомыслящему человеку ясно, что у народов, живущих в разных системах, нет иной альтернативы, как мирно жить друг с другом, не вмешиваясь во внутренние дела и уважая другие мнения. Пониманию этой истины и учат всемирные фестивали, сближая юность Земли, помогая ей обрести взаимное доверие, преодолевать предрассудки, ценить то, что сближает, а не разделяет народы.

Летом 1985-го, в 40-ю годовщину Великой Победы над гитлеровским фашизмом, в середине года, объявленного ООН Годом молодежи, Москва будет встречать гостей из пяти частей света. Мир, такой пестрый и разный, соберется в советской столице не просто на совет, творческую дискуссию, обмен опытом борьбы... Юноши и девушки приедут взглянуть, как мы живем, воочию убедиться, каков он — реальный социализм. Найдется немало и тех, кто будет скрупулезно отыскивать наши изъяны, недочеты, причины наших трудностей.

Наш долг и обязанность — донести до каждого молодого участника фестиваля нашу убежденность, что будущее мира за социализмом. А трудности, встречающиеся противоречия! Только в мечтах можно построить рай, беспроблемное общество. Другое дело жизнь, приносящая каждый день столько неожиданностей, заставляющая вновь и вновь выбирать неизведанные пути.

Мы знаем: много еще предстоит битв, побед, а возможно, и временных отступлений, пока социализм станет всеобщим достоянием человечества. Пусть же этой верой в общество справедливости, свободы и демократии людей труда, дружбы народов, общество, столь решительно выступающее за мир, проникнутся те, кого будет принимать Москва.

Писатель Леонид Леонов как-то сказал: «Мир — это двигатель, работающий на молодости».

Человечество верит в свою смену, в ее возможности и силы, от которой сегодня в значительной степени зависит решение самого главного вопроса — быть или не быть жизни на Земле.

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

**А. ПОЛИКОВСКИЙ,
Л. АНИСИМОВ (фото),
наши спецкоры**

1. В двенадцатом номере «Ровесника» за 1983 год была опубликована моя запись рассказа Екатерины Семеновны Перебейновой. В рассказе речь шла о ней самой, ее сыне Петре и югославском певце Джорджи Марьяновиче.

Петр Перебейнов ушел из восьмого класса добровольцем на фронт и погиб в Югославии. Екатерина Семеновна знала только, что он похоронен на военном кладбище в Белграде. Долгие годы она жила мыслью о том, чтобы найти могилу сына, положить на нее цветы. Кто поможет ей в этом, кто отыщет могилу Петра Перебейнова!

...На гастролях в Ростове-на-Дону, где после войны жила Екатерина Семеновна, выступал Марьянович. Женщина пришла к нему оттого, что он был для нее последней надеждой. Ведь он «с Югославии», из той самой Югославии, где остался ее Петик! С букетиком цветов, купленных на углу улицы, пришла просить, чтобы он отыскал ее Петика.

Марьянович сразу понял все. Сказал: «Наверно, ваше горе у нас похоронено!» — «Деточка мой у вас...» Он обещал положить букет цветов на могилу Петра Перебейнова.

Вернувшись в Белград, день за днем обходил он военное кладбище и читал надписи на надгробиях, которых там тысячи. Он нашел могилу, положил на нее цветы и послал Екатерине Семеновне фотографию надгробного камня с возложенными на него цветами. Он пригласил ее к себе, понимая, как надо ей побывать на могиле сына. Она жила у Марьяновича дома и ходила к «могилке», как она ее называла. Пусть мертвого и такого, которого не обнимешь, он вернул ей сына.

«Я ведь все же побывала

На снимках: слева вверху — до Кинешмы не дошла война, но на берегу Волги стоят обелиски: они поставлены в память бойцов, умерших от ран в здешних госпиталях; справа вверху — Юра Болотов вырос на Волге. Волга для него больше чем река — она образ жизни; слева внизу — Джорджи Марьянович во время гастролей в городе Краснодаре.

на том месте,— рассказывала Екатерина Семеновна,— где мой сыночек лежит. Кто будет в Югославии — там большой памятник русским солдатам, а около этого памятника мой сыночек, плиточка маленькая. На этом памятнике никогда нет, чтобы цветы не лежали.

Мы туда пришли, со мной вся его семья, жена Элли, Джордживы дети. Марко (ему пять тогда было) спрашивает: «Почему баки плачет!» — «Марко, она плачет за таким сыночком, как ты у меня».— «А почему здесь!» — «А потому мы и живем, что здесь у баки сыночек закопан лежит». Взял и встал на колени тогда мальчонок.

А я травочку сорвала и с этого места земли привезла».

2. Среди откликов на эту публикацию было письмо из Кинешмы:

«Уважаемый и дорогой Джорджи Марьянович! После того как я прочел в «Ровеснике» рассказ «Два сына», я решил написать вам письмо в далекую от нас Югославию. Мне очень понравилось, как вы — югославский, но теперь и русский человек — исполняли просьбы Екатерины Семеновны, нашей русской женщины, что вы довезли те цветы и тот поклон до могилы сына Екатерины Семеновны. Я думаю, от всего человечества, не только от нашей, но и от других стран скажем вам: «Большое спасибо вам». Мне кажется, мы теперь подружимся. Я из Кинешмы, волжского города. Слыхали, наверное?! Мне 12 лет, я еще молод, но я знаю о войне многое, слыхал от моей бабушки и деда и от еще одной бабушки, из книг, рассказов ветеранов, от классного руководителя Ирины Борисовны Косовановой. После войны через 14 лет умер мой дед. Он много жил после войны, но умер. Умер он после долгого ненахождения маленького осколка гранаты, один осколок, в том же месте, из тела извлекли, а другой прикрылся и еще долго ждал. «Он умер не мучаясь, быстро» — так говорила моя мама и бабушка, а второй дед тоже немало пережил и перенес четыре ранения. Два пулевых и два осколочных ранения. Я не хочу и все не хотят, чтоб повторилась эта жестокая война. Вы спросите: «Почему я вам это рассказываю?» Потому что у этого Пети могли быть дети и внуки, и они тоже вам бы это рассказывали. Мне очень нравится ваша доброта и ваше мужество. И как у вас в песне поется «Хотят ли русские и югославские люди войны?». Мне очень нравится, как вы поете. А в песне хорошо сказано и спето. Так спойте же, как вы поете, на 9 Мая для всех ветеранов войны эту песню. Она всем нравится, «и младу, и стару». И для вашей второй мамы, «русской мамы». На фотокарточке в журнале видно, как вы опечалены, даже видно, как будто вы плачете. Я тоже, когда прочитал рассказ, плакал, но я умею держать себя в руках.

Многие люди сложили головы, чтобы нам, подрастающему поколению, жилось лучше. Вот моя рука всем детям, кто понимает вас и Екатерину Семеновну. Если вы можете, пришлите свое фото. И давайте друг другу писать. Отныне и навсегда вы мой друг. И все дети Югославии. Давайте дружить и переписываться. Вот моя рука. Давайте дружить и защищать наш красивый земной шар. А чтоб вы представляли меня, Джорджи Марьянович, я шлю вам свое фото, мне здесь 9 лет. А живу я в маленьком волжском городке Кинешме, и адрес у меня простой, живу я у нашей матушки Волги, ул. Жданова, д. 4, кв. 2.

Забыл представиться: меня зовут Болотов Юра, ученик 6-го «А» класса средней школы № 8 города Кинешма Ивановской области. Навестите наш город. Я не знаю, умеете ли вы читать по-русски, но, пожалуйста, прочитайте мое письмо и напишите письмо мне.

Если оно дойдет к вам до Нового года, то с Новым годом! Вас и вашу семью. И желаю вам здоровья и успехов в жизни и работе».

3. Я передал это письмо Марьяновичу, когда он снова приехал на гастроли в нашу страну. Он несколько дней носил письмо с собой, читал и перечитывал. С трех исписанных детским почерком страничек ощутимо шло тепло. Мне хотелось услышать от него, что близко ему в этом мальчике из Кинешмы, что единит их. «Любовь»,— сказал Марьянович не раздумывая. «Одно отношение ко многому, я это чувствую». Он снова, положив письмо на колено, перечитывал его, сидя посреди гостиничного номера на стуле.

«Какая лапушка!» — говорит Марьянович о мальчике. (Он вообще, ласковый человек, любит уменьшительные и слова на «л»: «мамуленька», «бабуленька»...) «Как ты представляешь его себе!» — «Очень умный. Очень честный. Очень добрый. Отличник».— «Как же отличник, когда в письме есть несколько ошибок!» — «Ну и что! — недовольно говорит он. Ему не нравится, что я сомневаюсь.— Он еще только учится. Все равно отличник». Для Марьяновича, которому, как он сам говорит, «русский язык известен на одну пятую» и который все-таки пишет на русском стихи, слово «отличник» значит больше, чем только отличный ученик. Нет, это отличный человек, мужчина, друг, честная и добрая душа.

...Марьянович не хочет говорить о том, о чем письмо,— о войне. Только подбираюсь я, только становится наш разговор на этот путь — как сразу он уходит, как сразу я чувствую, что упираюсь в упругую невидимую стену. Марьянович никому никогда не отказывает прямо, но тут он с напряжением во взгляде смотрит на меня, и по его лицу я понимаю, что ему не нравятся мои попытки. В прошлый раз, когда мы встречались с ним год назад, он так же не хотел рассказывать о том, как искал могилу Петра Перебейнова.

Марьянович пишет ответ мальчику:

«Дорогой мой родной дружок Юрка! Хотя я с опозданием получил твое письмо, я безмерно обрадовался твоим пониманием, искренностью и теплотой. Умница ты, ты настоящий пионер, молодец!

Я уверен, что ты и в школе отличник, хороший друг и гордость своих родителей.

Я понимаю твои чувства к твоим дедушкам-фронтовикам, которых у тебя больше нет, тем более что я вырос без мамы у моего дедушки, который почти всю жизнь воевал, как и весь наш народ, чтобы защитить свою свободу и землю.

У меня трое детей: Наташа 18 лет, Невэнна 17 лет и сын Марко 14 лет. Они тоже очень хорошие и в школе и в жизни и тоже знают о героических страданиях наших народов.

Я снова нахожусь на гастролях в твоей стране, но, к сожалению, маршрут не предусматривает концертов в твоем городе на матушке Волге, о которой я много читал и слышал в песнях.

Я искренне желаю и очень надеюсь, что когда-нибудь приеду в ваши края и встречусь с тобой.

Передай мой глубокий поклон твоему классному руководителю Ирине Борисовне, большой привет твоим родителям, лучшие пожелания твоим одноклассникам, а тебя крепко обнимаю и целую.

Мой адрес: Югославия, город Белград, 11000, ул. Милоша Поцэрца, 25, Джорджи Марьяновичу. Пиши мне!

Твой югославский друг Джорджи».

4. Осенним вечером я сижу в ярко освещенной, жаркой комнате на первом этаже дома на улице Жданова в Кинешме, за одним столом с Юрой, его мамой, папой и сестрой. Юра — худенький мальчик с рыжеватыми волосами и веснушками. Мы говорим о том, почему он написал письмо Марьяновичу о дедах-фронтовиках. Мне показывают несколько старых семейных фотографий.

В жизни Юра такой же, как в письме,— есть в нем спокойная ровность общения, он ощущает свое равенство с миром, и это ощущение у него природно. В нем нет детского желания застесняться или, наоборот, выставить себя. Это чувство достоинства и удивило Марьяновича, и привлекло, и заставило уважать Юру. Часто даже взрослые общаются с Марьяновичем снизу вверх, становясь

добровольно в позу «поклонников» перед «звездой». И тут письмо, в котором вся эта мишура, все эти блестки и пустячки просто не существовали. Природное, прирожденное равенство было в письме, равенство человека и человека. Со мной Юра тоже говорит без удивления, что взрослый человек к нему приехал, без детского кокетства. Одно только по-детски радостно из него вырвется, как только я приду в его дом: «Мам, о нашем деде напишут!»

Юра написал письмо Марьяновичу с предложением дружбы потому, что почувствовал в Марьяновиче хорошего человека, в котором жива память войны. Память войны для мальчика — любовь к дедам-фронтовикам. Одного из них он знает только по рассказам, а другой умер недавно, весной. С ним Юра дружил, вместе ходил на рыбалку... И говорить о войне для Юры и его близких значит говорить о дедах — война для них часть семейной истории.

5. Два Юриных деда-фронтовика были обычные люди, «простые русские люди», как говорит Юрина мама. Любили они выпить на праздник, сыграть в карты на диване, перед сном. Были совершенно мирные люди, один, родом из деревни Нелюдово, что на речке Соть в Ярославской области, перед войной вместе с отцом-печником ставил там избу-пятистенку — не успел достроить. Ту избу, сбывшуюся уже после войны, Юрина мама вспоминает грустно-счастливо: «Было там две белые комнаты, от окна по всей стене лавка. В другой комнате стол...» К детям были ласковы. Мама рассказывает, как ее отец, Юрин дед, поехал за ситцем в неблизкое село Батманы — ей, дочке, по весне красивого платья захотелось, а он сказал: «Она девочка, она должна красивой быть!» И не платье запомнилось (что платье!), а его скупая на слова нежность. Другой дед был электрик и электроприборы соседям чинил бесплатно. Обо всем этом вспоминает семья, когда мы сидим не без торжественности вокруг стола, говорим. «Отведайте наших котлет!» — с мягким нажимом все предлагает Юрина мама. Мы едим котлеты, пьем чай, говорим. Вот они, тут, с нами, Юрины деды-фронтовики. Их пожилые фигуры и лица освещены мягким светом. Нет героического в их внешности — один дед ногами страдал, даже на улицу выходил в тапочках. Другой после войны, из-за контузии, не годен был к сложным работам, работал конюхом, любил огород и кур держал. Оба в пехоте прошли войну с начала до конца.

Возможно, Юра в Петре Перебейнове из рассказа «Два сына» увидел немного себя: так же как Петр, он увлекается моряками, «за моряков душу отдает». Его любимая книга — «Русские моряки». Книгу дед нашел на скамейке, мокрую, после дождя. В книге печать библиотеки. Дед, на больных ногах, не поленился сходить в библиотеку и спросить, не их ли. Нет, не их, печать старая. Он подарил книгу Юре, и вот Юра рассказывает об этом последнем подарке деда...

Я спрашиваю Юру, что для деда было самым страшным на войне. Не рассказывал ли! Была ли это танковая атака, когда жаром и соляркой пышущие махины неуклонно наползают на окоп и человека в нем! Или бомбежка, когда комья земли барабанят по спинам людей! (Так, кстати, другого Юриного деда завалило, три часа откопать не могли.) Юра говорит: «Ну вот, дед говорил, самое страшное, когда первый раз убил человека».— «Как это было!» — «Во время атаки».— «Но как! Немцы бежали на него, да!» — «Не бежали, а ползли»,— деловито поправляет меня мальчик. «Дед был в окопе. Прицелился, выстрелил, видит — попал! Красные круги у него перед глазами поплыли, закрутились, плохо ему стало! Он стал бегать по окопу. Человека убил... А ему кричат: «Кончай бегать, смотри, они уже близко, стреляй!» Тогда он стал стрелять в них не переставая...» И в коротком этом рассказике двенадцатилетнего мальчика война не приключение, а мука души. И оттого, мне кажется, Юра не может с другими ребятами, с друзьями Игорем и Лехой, играть в войну, не может он бегать с игрушечным автоматом в руках и запойно кричать: «Тах-тах-тах!» Потому что есть в нем, как своя, память деда о том, как трудно убить человека, даже если он враг и идет убивать тебя.

Еще он рассказывает о дедах (многое со слов мамы, бабушки), что не любили они вспоминать войну и говорить о ней. Только иногда, на Девятое мая, сходились вдвоем и жарко, страстно спорили. Один дед всегда краснел, когда об окружении в начале войны рассказывал. Раненного, потерявшего сознание, его трое друзей-солдат выносили на плащ-палатке. Все трое друзей потом погибли. А другой дед, когда по телевизору показывали кино про войну, где «приукраска» (его слово) была, молча выходил и курил. Переживал.

6. Почему Марьянович не хотел говорить о войне, о памяти! Он помнит войну: в 1941-м ему было девять. Для него война — это собственное сиротство, мать умерла, отец был в концлагере, дед воевал. Но говорить он не хотел. Может быть, он понимал, что высокие слова возможны только в устах чистого ребенка, только ему они даны. И никто лучше, чище не скажет, чем ребенок. А нам, взрослым, лучше не говорить об этом в общем разговоре, в застолье, нам лучше об этом помолчать. В конце концов, совсем не в словах дело. Дело в нас, в нашей любви, в нашей живой связи с тем, что было с нами в прошлом светлого и темного, прекрасного и страшного.

И еще. Может быть, он потому молчал о войне и все перечитывал письмо Юры, что учился у мальчика самому тону, каким тот говорил о войне. Учился уверенности и бережности. Я не боюсь обидеть Марьяновича предположением, что он учился у мальчика, который ровно на сорок лет моложе его, потому что знаю Марьяновича как человека, который в каждом человеке умеет увидеть доброе ядрышко его души. И полюбить за это.

7. Но вечером на концерте Марьянович говорит те слова, которые трудно ему было сказать днем, в обыденной суете,— сейчас высокие слова приподняты сценой. «Эти песни — долг поколению, благодаря которому мы живем».

Он поет всем известную песню «Журавли». Сидит на краю сцены, у обрыва в темный зал, в луче. Не поет — шепчет всю песню. Потом объяснит: «Я шепотом хотел спеть, потому что этот шепот — крик. Громче крика». О солдатах, которые, как Петр Перебейнов, превратились в белых журавлей. О своем дедушке, «который почти всю жизнь воевал». О своем отце, который воевал и был в концлагере. О двух дедах Юры Болотова, чье письмо он читал сегодня.

Марьянович в тишине кладет букет цветов на могилу. Его поклон так глубок, что макушка едва не касается сцены. Могилы здесь нет, но она здесь есть, ибо мы, вслед за ним, прозреваем сквозь пространство, время и иные условности. Мы чувствуем, что время может зарубцевать на теле земли любые, даже самые страшные миллионные могилы, но не может зарубцевать ранку на нашем сердце. Не может и не должно время отнимать у нас нашу память. Свет и темноту войны мы должны помнить честно. Кому кладет он цветы! Кому кланяется! Своему деду! Петру Перебейнову! Юриным дедам-фронтовикам! Каждый из нас молча называет дорогое ему имя.

ИНАЧЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

Панайотис ЛАЗАРИДИС,
участник Недели дружбы советской и греческой молодежи, член Коммунистической молодежи Греции (КНЕ)

Я помню. Два раза в год, на рождество и на пасху, меня одевали по-праздничному, как в церковь, и мы шли в тюрьму. Вся наша семья. В тюрьме сидел мой двоюродный брат Макис. Ему было тогда 22 года. Мне семь. Помню комнату для свиданий. Большое неуютное помещение с нестерпимо яркими голыми лампами. Больше всего меня пугали эти голые лампы. Комната перегорожена двумя рядами железной сетки. Свидание устраивали сразу нескольким заключенным, и, чтобы услышать друг друга, приходилось кричать. Единственное, что позволялось,— заключенные могли обнять маленьких детей. Своих детей у Макиса не было, и он обнимал меня. Перед тем как пустить за железную сетку, меня обыскивал охранник. Я помню его руки с жесткими, цепкими пальцами и черными ободками на ногтях. Макис прижимал меня к себе и целовал так, будто я был его родной сын, хотя до этого мы с ним редко виделись. Я был маленький и ничего не понимал. Когда мы шли обратно домой, мама старалась незаметно смахнуть слезы. Я спросил, почему Макис сидит в тюрьме. Она сказала мне, что Макис — коммунист. Тогда я услышал это слово в первый раз.

Я вырос при диктатуре. Я знаю, что такое фашизм.

Это произошло на рассвете 21 апреля 1967 года. Танковые колонны двинулись на Афины. Войска окружили здание парламента и королевский дворец, блокировали улицы и площади, захватили правительственные учреждения, радиостанции, средства связи и информации. Аресты производились по заранее заготовленным спискам. Врывались в дома, хватали людей, скручивали руки, уводили. Так увели и Макиса. Быстро заполнились тюрьмы, полицейские участки, подвалы тайной службы. Они, однако, не рассчитали. Не хватило места всем арестованным — коммунистам, деятелям Единой демократической левой партии, демократического движения — мужчинам, женщинам, подросткам. Тогда их повезли на стадион, на олимпийскую арену. По этому образцу действовали через несколько лет путчисты в Чили. К власти пришел полковник артиллерии Пападопулос. Свой план военного переворота «черные полковники» имели наглость и цинизм назвать операцией «Прометей». Легендарный герой принес земле Эллады огонь, жизнь. Что принес Греции фашизм!! В стране ввели военное положение, были объявлены вне закона все политические партии, профсоюзы, массовые общественные организации, народ лишили всех демократических прав и свобод. Люди боялись говорить друг с другом. Выражать свои мысли вслух стало опасно. Над каждым нависла тень концлагеря. Четверть миллиона официальных осведомителей! Эти добровольные и завербованные агенты были всюду: в учреждениях и автобусах, в кафе и на пляжах, в студенческих аудиториях и в кинотеатрах. Частные таксисты получали от хунты машины на выгодных условиях, но в условия эти входило обязательно доносить о всех «подозрительных» пассажирах и их разговорах. На каждом перекрестке по всей стране расставили огромные щиты с портретами главаря хунты, «великого вождя эллинов». Был объявлен запрет на все рекламные издания, плакаты и вывески красного цвета. Красный

цвет — символ крови борцов за свободу — был для них ненавистен.

Я вырос при диктатуре. Я знаю, что это такое. Каждый, кто выражал недовольство режимом, в любую минуту мог исчезнуть.

Мой отец не был коммунистом. Обыкновенный, нелегкой жизни человек. Он вышел из рабочей семьи, скопил немного денег и завел маленькую рыбную таверну. Он не был коммунистом, но был честным человеком, и я видел, как сжимались его кулаки, когда по телевизору в очередной раз показывали Пападопулоса.

Когда мы узнали, что Макиса в тюрьме избивали, добиваясь отречения от партии, что ему переломали руки, отец сорвался, В тот день по телевизору Пападопулос как раз говорил о процветании. Отец плюнул ему в лицо и швырнул табуретку в экран. Хорошо, что в таверне тогда никого не было. Отец собирал осколки и плакал над бессмысленностью своего поступка и над своим бессилием.

От отца я впервые услышал правду о русских. В школе нас учили, что все русские — коммунисты, а ничего страшнее этого нет. В Греции при хунте запрещалось все советское, и даже русская литературная классика в те годы не издавалась. Русские пьесы вычеркивались из репертуаров театров. Чеховских «Трех сестер» хунта боялась как прокаженных. Было разгромлено Общество друзей СССР. Среди арестованных хунтой было немало тех людей, кто посещал Греко-советское общество дружбы, изучал там русский язык, смотрел советские фильмы.

В войну отец участвовал в Сопротивлении. Гитлеровцы схватили его и отправили в концлагерь. Он был и в Освенциме, и в Маутхаузене. Хуже всего, рассказывал он, приходилось там русским. Они не получали посылок через Красный Крест. Нацисты предлагали им вступать в русские формирования при вермахте, чтобы сражаться против коммунизма, но он не помнит случая, чтобы кто-нибудь предпочел измену смерти от голода и непосильной работы.

Когда американцы впервые запустили космический корабль на Луну, я прибежал домой и радостно сообщил об этом родителям. Отец тогда сказал мне, что первого человека в космос запустили советские. Я просто не знал об этом. Так мы жили при диктатуре.

Наш дом находился в местечке Аспропиргос. Это в 20 километрах от Афин. Мы и сейчас там живем, только без отца. Отец года не дожил до падения диктатуры. Когда он умер, мне было тринадцать лет. Сначала мы пытались вести таверну без отца, но скоро продали ее. И я пошел работать. Нужно было кормить маму и младшую сестру Александру. Первая моя работа — подсобным рабочим на фабрике, которая выпускала огнетушители. Я работал с утра до ночи, а получал гроши, но был рад, что имею хоть какую-то работу. Там, на этой фабрике, у меня впервые появился настоящий друг. Он был намного старше меня. Этот человек изменил всю мою жизнь. «Посмотри,— говорил он мне, мальчишке,— сколько ты работаешь и сколько ты получаешь. Значит, кто-то прикарманивает заработанные тобой деньги. Этот кто-то — хозяин фабрики, на которого ты работаешь. Он и так не знает, на что бы еще потратить деньги, да еще ворует у тебя, хотя ваша семья еле сводит концы с концами». Это был первый человек, который говорил со мной о политике. Он был коммунистом.

У моего отца был один-единственный близкий друг, старый врач. Вдвоем они могли говорить часами. На похоронах отца он плакал. Тогда мне было трудно понять, что их так сближало. Теперь я понял. Друг с другом они говорили свободно.

Потом того человека с фабрики арестовали. На него кто-то донес. А я решил, что стану коммунистом.

Тут подошел 1974 год.

23 июля афинское радио сообщило: в 19 часов 15 минут военная хунта сложила с себя полномочия. После семи лет бесславного правления страной клика «черных полковников» признала свое политическое банкротство. «Добровольный» отказ от власти был прямым следствием политического и экономического кризиса политики преступной хунты.

Греция вступала в новую жизнь. Была объявлена амнистия всем политическим заключенным, закрыт концлагерь на острове Юра. Грекам, находившимся после переворота 1967 года в изгнании, разрешалось вернуться на родину. Отменялся закон «509», принятый еще в 1947 году, запрещавший деятельность Коммунистической партии Греции. Это был праздник.

Хунта оставила после себя страшное наследство. Промышленный застой, низкая эффективность сельского хозяйства, растущая инфляция. Повсюду безработица, катастрофически росли цены на товары первой необходимости, квартплата. Государственный аппарат погряз в коррупции. Хунта пеклась лишь о собственном благополучии, о выгодах для 400 семей греческих богачей, позволяя им грабить страну. Унизительным «аварийным клапаном» для трудовых масс стала эмиграция греков за границу в поисках работы. Хунта стремилась развратить сознание людей; играя на низменных чувствах, она пропагандировала своего рода расизм — идею панэллинизма, идею особого «национального предназначения греков».

«Черные полковники», без конца произнося красивые слова о «великой Элладе» и об «исторической миссии греков», с легкостью и готовностью отдавали страну на откуп западным монополиям, прежде всего американским. Оборона Греции была ориентирована Пентагоном и НАТО на конфронтацию между Востоком и Западом. Этот курс поддерживался с помощью идей о «славянской угрозе» с севера и «коммунистической опасности» изнутри. Греция стала инструментом военно-морской политики США в Средиземноморье. В Пирее и бухте Суда на острове Крит расположились крупные базы 6-го американского флота.

...Я вступил в КНЕ — организацию Коммунистическая молодежь Греции. Эта организация была создана в 1968 году по решению Компартии Греции с целью объединения передовой молодежи страны, воспитания ее в духе патриотизма и пролетарского интернационализма, идей демократии и социальной справедливости.

Хунты больше не было, но счастливая жизнь сама собой не придет, за счастливую жизнь нужно бороться.

За активное участие в деятельности КНЕ меня выгнали с фабрики, и так было не раз. Долго я не работал ни на одном месте. Меня выставляли. Сиди тихо, советовали мне, хозяева любят тихих. Но я не мог быть тихим. Не мог и не хотел. С друзьями мы организовывали забастовки, привлекали в нашу организацию новых ребят.

Все свободное время у меня уходило на работу в организации. Тогда-то от меня и ушла моя девушка, моя первая любовь. Мне было семнадцать лет, и я очень сильно переживал этот разрыв. Она не понимала меня и не принимала моей работы в КНЕ. Твое дело тебе важнее меня, сказала она. Что я мог ей ответить! Мама утешала: тебе нужна совсем другая девушка. Не просто девушка, но — товарищ.

Я долго был безработным. Потом устроился работать телефонистом на коммутаторе в нашей штаб-квартире КНЕ. Не хватало образования, и я пошел учиться. Днем работал, по вечерам занимался в техникуме, чтобы получить диплом экономиста. Было трудно. Приходилось каждый день ездить на автобусе в Афины и домой, в Аспропиргос. В КНЕ мне поручили ответственное задание: я стал отвечать за работу в студенческих союзах. В каждом университете, в каждой технической школе есть свой комитет. В каждом представлены разные партии и организации. Приходится вести постоянную, бескомпромиссную борьбу за умы и души ребят, доказывать, что если хочешь чего-то добиться, то это возможно только в борьбе. В студенческих союзах мы, молодые коммунисты,— влиятельная сила. Мы предлагаем конкретные меры по демократизации жизни вузов и технических школ в стране, мы пытаемся соединить студенческое движение с борьбой за социализм.

Работы у нас по горло. Со времени падения хунты прошло уже десять лет, но многие проблемы так и не разрешены. Растут цены, инфляция, безработица, снижается уровень жизни, растет вынужденная эмиграция рабочих. Греческие торговцы нефтью, хозяева крупных промышленных предприятий, судовладельцы, банкиры, ко-

торые в свое время приветствовали военный переворот, продолжают господствовать и сейчас. Это они субсидировали режим хунты, получая взамен от «черных полковников» особые привилегии. Теперь те же магнаты продолжают выкачивать огромные прибыли за счет трудящихся.

На митингах, демонстрациях, фестивалях газеты «Одигитис» мы боремся за подлинную демократизацию страны, за гарантированную занятость молодежи на производстве, повышение заработной платы, снижение цен на товары первой необходимости. Борьба за повышение жизненного уровня для нас немыслима без борьбы политической. Мы боремся за выход Греции из НАТО, за то, чтобы покончить с зависимостью от американского империализма, от транснациональных корпораций. Американцы в своей политике в районе Эгейского моря и в кипрском вопросе выдают себя за «миротворцев». Считают, будто американцы больше поддерживают Турцию и меньше Грецию. Это не так. Американцы всегда и везде поддерживали только американские интересы. На национальные интересы наших стран им наплевать. Мы никогда не забудем, что именно в НАТО, в ЦРУ был разработан план «Прометей». Ни НАТО, ни американские базы нам не нужны. Никто с севера нам не угрожает. Наоборот, именно северные страны, прежде всего Советский Союз, другие социалистические страны поддерживают идею создания безъядерной зоны на Балканах, зоны мира и спокойствия.

В нашей борьбе нам приходится нелегко. Запретить нас уже невозможно, хотя многие из тех, кому мы как кость поперек горла, всеми средствами пытаются помешать нашей работе — от постоянных судебных кампаний против нашей молодежной газеты «Одигитис» до террористических акций. Политический террор — наследие хунты. На счету «ультра», последышей «черных полковников», много террористических акций: взрывов бомб, покушений на левых деятелей, нападений на местные организации компартии и КНЕ, поджогов книжных магазинов, где распространяется прогрессивная, в частности, советская литература. Были случаи, когда во время показа советских фильмов в двух крупных афинских кинотеатрах «Элли» и «Рекс» были взорваны бомбы. Не так уж редко нам приходится участвовать в стычках с молодчиками из неофашистов.

Это было в 1980 году. Мы шли в колонне демонстрантов — отмечали годовщину трагедии в Политехническом институте. Политехнический институт... Каждый год 17 ноября мы отмечаем эту страшную дату. В субботний день 17 ноября 1973 года танки с оглушительным грохотом промчались по афинскому центру и остановились около ограды здания Политехникума. На территории института забаррикадировались несколько тысяч юношей и девушек. Один мой товарищ был среди них. То, что он потом рассказывал, по-настоящему страшно. Министерство просвещения возглавляли тогда два полковника, известные своей жестокостью. Они превратили вузы в казармы. Студенты Политехникума подняли голос протеста, заняли помещение института, закрыли ворота. И это в центре Афин, под самым носом у торжествовавшей, упивавшейся безграничной властью хунты, да еще вскоре после «избрания» Пападопулоса президентом страны! Танки с наведенными на здание института пушечными стволами ждали команды. В ночь на 17 ноября над Афинами раздалось тревожное, трагическое SOS. Студенческая радиостанция передала: «Греки! В этот момент танки наводят свои орудия на здание института!» Есть известный фотоснимок: бригадный генерал Дертилис с пистолетом в руке направляется к воротам Политехникума. На железных воротах сидели студенты, многие стояли у решеток. Они думали, хунта все же не решится двинуть танки на безоружных. Но раздалась команда. Танки вышибли железные ворота. Гусеницами стали давить людей.

С того страшного дня прошло уже немало лет. Казалось бы, прошлое. Но это прошлое может повториться. В Греции еще влиятельны силы, которые хотели бы вернуть прошлое. Поэтому с прошлым надо сражаться. Каждый день. Вот мы и шли 17 ноября 1980 года, маршем отмечая дату трагедии. Вдруг провокаторы, несколько человек, стали бить железными трубами витрины в магазинах. Все было приготовлено заранее. Из соседних улочек на нас набросились полицейские. Они били дубинками ребят, девушек. Они забили насмерть двух наших товарищей...

Конечно, и мне, как и другим товарищам, бывает трудно. Но я счастливый человек. Я борюсь за мое, за наше дело. И еще у меня есть Агелика.

Она пришла к нам в штаб-квартиру КНЕ. Просто взяла и пришла. Открыла дверь и спросила, к кому можно обратиться по вопросу участия в борьбе за коммунизм. Так и сказала. Ей было тогда семнадцать лет. Она приехала в Афины с острова Закинфос учиться на косметолога. Мы стали работать вместе: участвовали в митингах, концертах, выставках, ярмарках, где мы продаем брошюры, плакаты, значки, собирая деньги для партии, вместе продаем «Одигитис», вместе просто ходим по домам, разъясняя людям цели нашего движения, агитируя молодежь приходить в наши секции. Кто-то нас внимательно слушает и даже жертвует в фонд КНЕ деньги из своих скромных сбережений, а кто-то просто не пускает на порог. Между прочим, со мной однажды был такой случай: простая рабочая женщина внимательно выслушала меня, осмотрела с ног до головы, понимающе покачала головой и сказала, чтобы я подождал минутку. А вернулась с ботинками. Спросила, какой у меня размер, может, подойдут. Она искренне хотела мне помочь. И такое бывает...

Буржуазная пресса, радио и телевидение очень долго вдалбливали в сознание людей идею «коммунистической опасности». Иногда эта граница — отношение к нашему делу — пролегает даже в семье, разделяет братьев, родителей и детей. Как-то на праздники мы с Агеликой поехали к ее родителям. Она родилась в простой крестьянской семье. За столом под деревьями родители собрали гостей. На столе было домашнее вино, на углях жарили мясо. Агелика предупреждала меня, чтобы я не говорил о политике, ее отец считает, что коммунисты не приведут страну ни к чему хорошему, и не одобряет увлечения дочери политикой. Я все же не выдержал, и мы здорово тогда поругались с ее отцом. Праздник был испорчен. А когда на следующий день мы прощались, он мне улыбнулся: «Может быть, вы с Агеликой и правы. Я всю жизнь гнул спину и боялся. Может быть, действительно нужно не бояться, а бороться».

Потом Агелика сказала мне, что на последних выборах он голосовал за коммунистов.

А с той, моей первой девушкой мы однажды случайно встретились на улице. Был фестиваль нашей газеты, и я стоял с пачкой «Одигитиса» на перекрестке. У светофора остановилась роскошная машина. Я увидел ее в окне, она сидела рядом с каким-то щеголем. Я протянул ей газету. Она усмехнулась и спросила, счастлив ли я теперь, бросив бумажку мне в банку с мелочью. Я ответил ей — да.

Не подумайте, что нам, молодым грекам, близки лишь наши, домашние проблемы. Нет, нам близка и чужая боль, чужая трагедия. Мы, например, каждый год устраиваем митинги солидарности с народом Чили. Мы, греки, может быть, как ни один другой народ понимаем трагедию чилийцев. Я никогда не забуду последний митинг. Девушки и парни в красных, цвета крови, пончо — эмигранты из Сантьяго, Вальпараисо, других чилийских городов — пели под гитару песни Виктора Хары. Им подпевали все. Это происходило на холме Акрополя. Потом чилийские ребята смешали с акропольской землей горсть земли со своей многострадальной родины.

Летом 1985 года я постараюсь обязательно приехать в Москву на фестиваль молодежи и студентов. Этот фестиваль — тоже часть нашей борьбы. Я знаю, у фестиваля будет много врагов. Они сделают все возможное, чтобы помешать нам собраться. Но у них ничего не получится. Потому что этот фестиваль — фестиваль Макиса, фестиваль чилийских патриотов и борцов за мир и свободу во всех странах. Потому что это фестиваль мой и Агелики. Это фестиваль всех тех, кто борется за будущее. И мы обязательно победим. Потому что иначе быть не может.

Записал М. ШИШКИН

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

В канун Международного года молодежи мы решили обратиться к старшеклассникам одной из московских школ с несколькими вопросами. Мы спросили ребят, как огромный, разнообразный мир входит в их жизнь! Насколько лично задевают их события, происходящие в самых отдаленных концах Земли, и какой им представляется сегодняшняя и завтрашняя роль молодежи, в том числе их собственная, в жизни общества! Почему мировое сообщество в лице ООН провозгласило 1985 год — Международным годом молодежи и что бы они лично предложили сделать, чтобы решить хотя бы некоторые проблемы, с которыми сталкивается молодое поколение в разных странах.

Публикуемые ответы — это скорее высказанные вслух раздумья подростков о месте личности в мире, о восприятии этого мира, говоря словами поэта, как «единого человечьего общежития». Итак, слово старшеклассникам 42-й московской школы:

ВИТАЛИЙ (10-й класс): До некоторого момента своей жизни я воспринимал мир как нечто абстрактное, точнее, очень далекое, ну где-то там... Он был сам по себе, этот мир, а я сам... И в нем были непонятные мне, неосязаемые вещи — безработица, голод, войны... А потом я увидел, это было давно, по телевизору, несчастья людей в лагерях Сабра и Шатилла. Сколько времени прошло, а как вспомню — оторопь берет от этой жестокости, ненависти, бесчеловечности. Ну что же это такое! Как такое можно позволить! Эту зверскую расправу с беззащитными людьми!.. Меня просто замучила мысль, что человечество не должно позволять никому и никогда такого зверства, такого обращения с людьми. Люди должны знать, что у них есть защита от зверей, что они не беззащитны. Иначе как же говорить о цивилизации XX века, когда вот такое варварство, такое средневековье...

СЕРГЕЙ (10-й класс): Да ведь это было совсем недавно, всего два года назад...

ВИТАЛИЙ: ...Да, и тогда будто прорвалась, что ли, какая-то оболочка. Я стал реагировать на мир, не просто что-то узнавать о нем, а именно реагировать. Хотя, конечно, с широким миром мы встретились раньше, изучая еще в младших классах историю. Представление о Греции, например, у меня до сих пор ассоциируется именно с древней классической Грецией — Спартой, Олимпией. Когда слышу сейчас упоминание об Афинах, представляю Парфенон... И, знаете, накладываясь на эти привычные образы, информация о борьбе греков против американских военных баз, за выход из НАТО звучит как-то по-особенному, будто вести о давних знакомых, об их сегодняшних заботах, которые мне интересны хотя бы потому, что это мои давние знакомые... Я говорю понятно!

СЕРГЕЙ: Для меня, в общем-то, изучение истории тоже стало основой интереса к событиям современности. И еще — знакомство с культурой, искусством, прежде всего с архитектурой того или иного народа, страны. Помоему, архитектура особенно отражает гармонию между человеком и природой. Это стоит перед глазами: голубое море, яркое солнце, красивые люди, величественные постройки из мрамора... а потом узнаешь об истории десятилетней давности — мракобесии «черных полковников»... Ведь это для меня, в мои 17 лет, десять лет — огромный срок, а для народа, за плечами которого векá, бесчинства греческих фашистов еще не зажившая рана. Греция до сих пор оплакивает ребят чуть постарше меня — студентов Политехнического института, против которых были брошены артиллерия и танки. И думаешь, как же это могло случиться в стране, где Парфенон, где зародились олимпийские традиции! И хорошо, что это уже в прошлом...

ВИТАЛИЙ: Вообще, наверное, у каждого по-своему устанавливался контакт с внешним миром. Вот у меня товарищ во дворе, он был в США, у него родители там работали долгое время... И вот что я заметил: он, когда приезжал оттуда маленьким, все рассказывал о чудесах американской техники — всяких там машинах, механических игрушках, в общем, ясно... А сейчас приехал после восьмого класса и все больше рассказывает, как американцев натравливают против советских людей, как всякие сионистские организации устраивают провокации против советских дипломатов, живущих и работающих в Нью-Йорке... То есть раньше он был маленьким, и его, понятно, больше интересовали всякие мелочи. А теперь нет, теперь он изменился.

ОЛЬГА (9-й класс): Вообще считается, что международные отношения — дело специалистов, знатоков. Конечно, профессия дипломата требует от человека и специальных знаний, и опыта, и особого склада ума, наверное. Но ведь главное в отношениях между народами должно быть понятно каждому, как и в обычной жизни между людьми. Вот, например, старшеклассник обидел малыша — кто не возмутится? Да вся школа! А когда огромные, богатые, вооруженные до зубов Соединенные Штаты бросаются на малюсенькую Гренаду! Разве надо быть специалистом, чтобы понять, как это подло. Как подло нападать на слабого, как подло врать, что этот слабый чем-то угрожает большой и сильной стране. Или взять Никарагуа. Там же свою страну и свою революцию защищают почти что наши сверстники. Я вот прочла в «Ровеснике» рассказ о никарагуанской девочке[1], израненной контрреволюционерами, которых содержат и обучают всяким гадостям те же США. Она же наша сверстница! Вот и получается, что США руками бандитов сражаются с детьми. Это стыдно. Американцам должно быть очень стыдно. Как же после такого смотреть людям в глаза! Я уж не говорю про эти мины, расставленные у берегов Никарагуа, чтобы никто не мог помочь народу, людям продовольствием, другими необходимыми для жизни товарами...

ВИКТОРИЯ (9-й класс): У нас просто другое отношение к людям, к жизни. И сама жизнь другая. Взять такой пример: вы обращали внимание — показывают в кинохронике какую-либо страну, сбросившую колониальное иго. Природа — как в сказке, улицы живописные, толпы людей, все куда-то спешат и в спешке обходят, не обращая внимания на лежащего прямо на мостовой человека. Может, он ослаб от голода, может, болен, умирает, но никто не останавливается, чтобы помочь. Наверное, это потому, что там нищета, голод вообще привычны. Нам жалко, очень жалко, а у них, наверное, просто нет возможности жалеть всех голодных — их ведь там много...

НАТАША (9-й класс): Но я видела недавно в газете фотографию из вполне обеспеченной страны: там стояли два английских полицейских, а рядом с ними в коробке изпод телевизора лежал какойто безработный. А они стоят, разговаривают друг с другом и на него внимания даже не обращают...

СЕРГЕЙ: Одна девушка, француженка, писала диплом под руководством моей мамы, блестяще его защитила, и вот уже два года она не может найти работу. Она как раз занимается темой, как говорит мама, нужной для современности: проблемами развития городов, точнее — организацией природы в городе, парков там... Но работы для нее нет... Как же жить без работы! И как вообще получается такое — дело нужное, важное, а для того, кто может его сделать, кто специально этому учился,— нет работы. Это трудно понять, просто невозможно. Бывает, читаешь в газете: в Европе столько-то миллионов безработных. А потом переворачиваешь страницу — там результат очередной встречи Карпова с Каспаровым, интересно, а про миллионы как-то забыл, миллион — это цифра, ее и представить «в натуре» трудно, вот когда почти знакомый живой человек — это уже другое. Мама говорит — веселая такая, красивая девушка и умница... Говорят, в Америке безработных считают дармоедами, президент Рейган любит о них анекдоты рассказывать, а сам покупает себе ковбойские сапоги не помню уже за сколько тысяч долларов, в каком-то журнале читал. Откуда, интересно, у него его миллионы, заработал! Как же это ему удалось, если количество бедняков в стране перевалило за 30 миллионов! Тут что-то нечисто, это же ясно!..

ВИТАЛИЙ: Одним из девизов Международного года молодежи является такое странное на первый взгляд слово — «узнавание». Отчего это! Я так думаю, что заняло оно свое место там, потому что это вопрос или проблема постоянные, то есть надо постоянно узнавать и знать, чем кто живет. Нам рассказывал наш учитель о встрече с преподавательницей - англичанкой, которая приезжала в нашу страну по обмену. Она была уверена, что у нас чуть ли не медведи бродят по улицам. Это, конечно, смешно. Только не такой уж это пустячный курьез, как может показаться. Ведь ложное представление о нас и нашей стране создается сознательно. Кому-то выгодно, чтобы англичане, или французы, или американцы представляли нас какими-то неполноценными людьми. Мол, если эти русские такие, да еще угрожают «свободному миру», то пустить против них десяток-другой ядерных ракет не только не грешно, но даже полезно. Вот, мне кажется, какой тут расчет...

Вообще, когда люди плохо, тем более унизительно представляют других, тогда ведь легче сделать их полуавтоматами, спокойно нажимающими кнопки...

«Узнавание», провозгла-

[1] *См.: «Ровесник», 1983, № 6, очерк «Девочка».— Примеч. ред.*

шенное одним из девизов Международного года молодежи, по-моему, очень важно, потому что, когда происходит это узнавание, проходит спокойствие от убийства одного другим. Ведь сейчас война более хитрая, что ли, потому что, нажимая кнопки, можно убивать, совсем не видя и не зная, кого же ты убиваешь... Нажать кнопку и пойти обедать...

Некоторые ребята, я знаю, есть такие, думают: а зачем проводить всякие международные встречи, фестивали, для оплаты расходов на которые приходится устраивать субботники. А ведь во время таких встреч как раз и возникает подлинное знакомство, возможность не просто обменяться взглядами, но и подружиться, понять общий интерес. Сейчас во всем мире идет подготовка к XII фестивалю в Москве, молодежь съедется со всех концов света, и, когда она увидит нашу столицу, поговорит с нами, с нашими родителями, старшими братьями и сестрами, словом, с советскими людьми, она поймет, что русские не хотят и не могут хотеть войны, что мы думаем совсем о другом: как сделать мир вечным, как сделать его прекрасным, как помочь тем, кто сегодня живет в нищете, чьи дети погибают от голода, кто никогда еще не держал в руках книгу.

СЕРГЕЙ: На днях я слышал по радио, что Соединенные Штаты по уровню грамотности населения занимают сорок какое-то место. Подумать только! Им бы, чем гнаться за военным превосходством, научить всех своих граждан читать и писать.

ВИТАЛИЙ: Я считаю, что нам всем, всем народам Земли, в соревновании выгоднее именно мирное развитие и разрядка.

СЕРГЕЙ: Да, «холодная война» не помогает им, тем, кто ее затевает. Она вызывает неприятные, нехорошие чувства: не только тревогу, но и ожесточение.

ВИТАЛИЙ: Еще бы! Сколько молодых людей на Западе оказались под влиянием нацистской пропаганды. Это настоящая угроза миру и сейчас, и в будущем — рост молодежных неонацистских групп в западном обществе, в ФРГ например. Я слышал, что в Гамбурге молодые неонацисты устраивают настоящую травлю иностранных рабочих, участвуют в нападениях на мирные демонстрации, на борцов за мир, за демократию. Я вообще не могу понять, как хоть один молодой человек может разделять нацистскую идеологию. Ведь это идеология дремучего мещанства, а молодежь... Молодежь по своей природе должна презирать мещан с их животной жадностью, тупостью, равнодушием к чужой беде, трусливой подлостью.

СЕРГЕЙ: Это как воспитать молодежь.

ВИТАЛИЙ: Что же, по-твоему, у молодежи нет своих мозгов! Она не понимает, куда ее толкают недобитые фашисты!

СЕРГЕЙ: В том-то и дело, что в основном понимает. Потому-то в рядах борцов за мир так много молодежи, и наверняка в Год молодежи это множество еще более возрастет. Иначе какой смысл провозглашать такой год!

ВИТАЛИЙ: Да, конечно. Все мы хотим кончить школу, одни собираются в институт, другие пойдут работать. Да, все мы хотим работать, потому что это значит по-настоящему жить, приносить пользу обществу, стране, людям.

ХРОНИКА XII ВСЕМИРНОГО

НЬЮ-ЙОРК. Члены Национального подготовительного комитета США XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов провели множество встреч и пресс-конференций с представителями разных слоев молодежи страны. «XII Всемирный состоится в год, который решением ООН объявлен Годом молодежи,— сказал в интервью газете американских коммунистов «Дейли уорлд» член Национального комитета Союза молодых коммунистов США Деннис Рэджер.— Встречи демократической молодежи мира в Москве — это прекрасная возможность сделать значительный шаг вперед на пути преодоления разногласий и предубеждений, объединить свои усилия для общей цели — предотвратить ядерный кошмар. Встреча на фестивале в Москве советской и американской делегаций станет одним из ярких событий этого всемирного молодежного форума. Она продемонстрирует желание молодежи двух стран крепить дружбу и сотрудничество в борьбе за мир. Это наше общее дело, в котором не может быть проигравших».

СИДНЕЙ. Секретарь Национального подготовительного комитета Австралии XII Всемирного Дороти Коста рассказала, что работе НПК активно содействуют различные молодежные и студенческие организации страны, профсоюзы, религиозные и этнические группы, созданы подготовительные комитеты во всех штатах и территориях, на острове Тасмания. Дороти Коста отметила, что энтузиазм и активность, с которой различные слои австралийской молодежи включились в подготовку к фестивалю в Москве, поддерживают лозунг XII Всемирного «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!», послужат живительным импульсом укрепления единства молодежи в борьбе за мир, дружбу и прогресс.

Во многих городах Австралии проходят манифестации и митинги под лозунгами антиимпериалистической солидарности молодежи в борьбе за мир, против гонки вооружений, против милитаризма. Среди участников австралийского фестивального движения большой популярностью пользуются песни прошлых фестивалей и особенно «Пусть всегда будет солнце» советского композитора А. Островского.

БУЭНОС-АЙРЕС. Здесь создан Национальный подготовительный комитет XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Более двухсот делегатов различных молодежных организаций Аргентины призвали молодежь крепить единство в борьбе против развязанной США гонки вооружений, за мир и социальный прогресс.

АНТАНАНАРИВУ. ЦК Демократического комитета молодежи и студентов (КДТМ) высказался за самое активное участие малагасийских юношей и девушек в XII Всемирном. ЦК КДТМ наметил программу подготовки к фестивалю, которая включает сбор подписей в защиту мира, участие молодежи в кампании по ликвидации неграмотности, строительство на добровольных началах школ, дорог и других хозяйственных объектов. Активисты получат возможность поехать в Москву.

После окончания гражданской войны линчевание стало на Юге США основным средством поддержания власти и мифа о превосходстве белых. В 1882 году отмечены первые зафиксированные сообщения на эту тему, и до 1927 года толпы расистов линчевали 4951 человека. В то время как на Севере и Западе страны линчеватели ограничивались тем, что вешали или убивали из огнестрельного оружия свои жертвы, на Юге дело часто принимало более изощренные формы. Устраивались целые спектакли, целые представления садизма: так, в Париж, штат Техас, в 1893 году на специальных поездах прибыло более 10 тысяч человек, чтобы присутствовать на экзекуции умственно ущербного (это было установлено медиками) негра, обвиненного в убийстве девочки. В него, крепко привязанного к столбу, метали раскаленные прутья, ему выжгли глаза, в рот засовывали раскаленную кочергу; наконец, после часа таких пыток он был сожжен. В 1899 году специальные экскурсионные поезда доставили тысячи любопытных в Палметто, штат Джорджия, где главным воскресным аттракционом стало сожжение живьем негритянского юноши, о «проступке» которого никто толком ничего не знал. Перед сожжением ему отрезали уши, пальцы на ногах и руках — все эти «сувениры» были переданы желающим из публики. Точно так же поступили и с сердцем несчастной жертвы, которое по кусочкам было распродано в качестве сувениров. В мае 1911 года негра, подозреваемого в убийстве, доставили в оперный театр Ливермора, штат Кентукки, и привязали на просцениуме. Билеты продавались по такой таксе: кто приобретал билеты подороже, ближе к оркестровой яме, имел право разрядить всю обойму своих пистолетов в привязанную жертву, посетители на галерке, где билеты стоили дешевле, имели право лишь на один прицельный выстрел. В 1918 году в Джорджии была учинена пятидневная оргия убийств, в течение которой погибло восемь негров, была сожжена на медленном огне женщина, а ее ребенок затоптан. Приписываемые жертвам «преступления», побудившие добропорядочных граждан к столь тяжким зверствам, как правило, были стереотипны: от мнимого убийства до оскорбления, непочтительного замечания или попросту поведения, пришедшегося кому-то из белых граждан не по вкусу...

Следующее ниже описание линчевания в Мемфисе произошло 22 июля 1893 года.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В США
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Воспроизведенные американскими историками Ричардом Хофстадером и Майклом Уоллесом выдержки из заметки, опубликованной провинциальной газетой «Мемфис коммершиал» без малого сто лет назад, с документальной точностью живописуют сцену варварской расправы белого населения одного из процветающих городов Юга США над человеком, вся доказанная вина которого заключалась в черном цвете его кожи.

Остальные обвинения — грубый вымысел, обраставший всевозможными подробностями, как это бывает со сплетнями или слухами, произрастающими на благоприятной почве ненависти, дремучего невежества, передаваемого из поколения в поколение белых американцев представления о негритянском населении страны как о низших существах.

Суд Линча, самосуд озверевшей толпы белых американцев над неграми, одно из характерных явлений повседневной жизни Соединенных Штатов Америки, практиковался в той или иной форме на всей территории США с момента рождения этого государства. Это была не просто беззаконная, дикая расправа. Садистские формы, в которых она осуществлялась и о которых рассказывается в публикуемой ниже статье Р. Хофстадера и М. Уоллеса, преследовали вполне определенную цель: запугать негритянское население, сохранить, по существу, его рабское положение и после отмены рабства, утвердить в общественном сознании идею расизма, культ жестокости и силы.

Жуткие картины равнодушного любопытства, с которым наблюдали за глумлением уже над трупом линчеванного негра молодые американки; родители, демонстрирующие своему ребенку в качестве развлечения страшный шабаш убийц,— это не просто картины патологической жестокости. Это то социальное уродство, которое сознательно культивирует буржуазное общество.

Насколько оно преуспело в таком развращении людей, можно судить по тому, как сегодня хваленая американская демократия без тени смущения сожительствует с оголтелым расизмом. Как и сто лет назад, в 80-е годы XX века в Соединенных Штатах Америки продолжают полыхать зловещие кресты, продолжаются бесчинства расистов-убийц из ку-клукс-клана над черными американцами. Об этом — документальный репортаж Пита Брайанта из современного двухсоттысячного американского города Мобила.

ЛИНЧЕВАНИЕ В МЕМФИСЕ И...
XIX век, 90-е годы

Ричард ХОФСТАДЕР,
Майкл УОЛЛЕС,
американские историки

Мемфис — один из городов-королей Юга с населением в семьдесят тысяч душ, иначе, один из двадцати крупнейших для того времени и процветающих городов Америки. Но именно на его улицах произошла сцена поразительной дикости, опозорившая бы даже джунгли. Не пострадала ни единая женщина, не было нанесено комулибо какого-либо морального ущерба. Все началось с того, что к машине, в которой две белые женщины следовали в центр города, приблизился некий Ли Уокер. Позже он утверждал, что сделал это, чтобы попросить какой-либо еды. Женщины, в свою очередь, утверждали, что он пытался напасть на них. Они подняли страшный шум, и парень кинулся бежать. В одночасье по городу распространился слух, будто «огромный волосатый негр напал на двух бедных женщин». Тут же стали собираться толпы, начавшие энергичные поиски «злоумышленника». По ходу дела был застрелен абсолютно ни в чем не повин-

ный негр: он не остановился, когда ему было приказано это сделать. Через несколько дней Ли Уокер был обнаружен, схвачен и брошен в мемфисскую тюрьму, перед которой тут же собралась беснующаяся толпа.

23 июля «Мемфис коммершиал» поместила полный отчет об этом событии, из которого мы приводим некоторые выдержки:

«В прошлую ночь Ли Уокер, который во вторник утром пытался напасть на мисс Молли Маккаден, был изъят из тюрьмы графства и повешен на телеграфном столбе. Накануне весь день носились слухи о предстоящем ночном нападении на тюрьму, а так как все ожидали соответствующей реакции со стороны полиции, поговаривали о том, что может произойти серьезная потасовка.

Толпа атаковала ворота тюрьмы, которые не выдержали напора. Ей противостоял шериф Маклендон с несколькими своими людьми. Конечно, толпа могла бы вполне быть рассеяна десятком полицейских, пусти они в ход дубинки, но шериф отдал приказ «воздержаться от какого-либо насилия».

Кто-то из толпы воспользовался железным прутом, чтобы сбить запоры на дверях камер. Шериф Маклендон пытался было утихомирить собравшихся, но был сбит с ног. Он надеялся, что ему удастся образумить разбушевавшуюся толпу, и потому отказался дать решительные приказания полицейским употребить силу. Такая политика умиротворения действительно произвела впечатление: разбушевавшиеся линчеватели решили, что полицейские их боятся и никакого сопротивления им не окажут. В 12 часов дверь камеры была взломана.

Уокер отчаянно пытался сопротивляться. Поначалу двоим ворвавшимся в камеру не удалось его вытащить; он отбивался как мог и даже укусил одного из нападавших. Тогда следом в камеру ворвались остальные, началось избиение: в ход пошли не только кулаки, но и ножи. Уокер пытался уцепиться за дверь, но тут ему нанесли несколько ударов ножом. У выхода из тюрьмы всякие силы к сопротивлению вконец оставили его. Под улюлюканье и свист толпы, состоявшей из мужчин и мальчишек, каждый из которых норовил плюнуть и пнуть ногой тело этого жалкого «дьявола и насильника», Уокера волокли уже волоком.

Толпа продвигалась по Франт-стрит и задержалась только у бакалейной лавки, чтоб выбрать веревку. «Волоките его к железному мосту на Мэйн-стрит!» — раздавались голоса. Но те, кто держал жертву, дальше первого телефонного столба на углу Франт-стрит не пошли. Кто-то смастерил петлю, несколько молодых парней вскарабкались на столб, накинули веревку на один из железных крюков, и тело закачалось в темноте жаркой мемфисской ночи...

Два-три новых удара ножом, нанесенные особенно разгоряченными молодыми людьми, мало что могли добавить к виду мертвеца, поскольку еще до того, как веревка была затянута на его шее, все тело его было искромсано. Уже когда «преступник» болтался на столбе, прозвучал запоздалый пистолетный выстрел. Но тут раздались голоса протеста против использования огнестрельного оружия, так что настоящей стрельбы так и не состоялось... Тело продолжало висеть около получаса, потом веревку обрезали... Тело упало бесформенной массой, толпу все это очень развеселило, все снова собрались в круг и стали пинать то, что когда-то было человеком... Потом кто-то крикнул: «Давайте сожжем его!» Сотня глоток поддержала боевой клич, но тут вмешался детектив Ричардсон, которому на удивление довольно долго удавалось в одиночку сдерживать разбушевавшуюся толпу. Убеждал он в основном тем соображением, что сожжение трупа принесет городу худую славу, а «правосудие» все равно уже совершено.

Несмотря, однако, на эти призывы, небольшая кучка

людей уже начала раскладывать огонь прямо посреди улицы. Материалы как нельзя кстати оказались под рукой — рядом был дровяной склад, масло в том же бакалейном магазине. «Сжечь, сжечь его!» — теперь эти крики усилились. Около полудюжины мужчин схватили окровавленное тело и под ободряющие крики толпы поволокли к костру. Затем, раскачав, бросили в самую середину. Пока, однако, совершались все эти операции, огонь стал затухать, и добровольцы принялись подтаскивать новые доски и бревна. Тело почти скрылось под ними, лишь голова торчала наружу да одна рука, видно упершаяся в бревно, тянулась к небу... Зрелище было кошмарным, наверное, никто из присутствующих не видел в своей жизни ничего подобного. Для некоторых это было слишком, и они вскоре потянулись по домам.

Но многие остались: происходящее ничуть не шокировало их. Три белые леди пробились сквозь толпу к самому костру и с удивительным хладнокровием и неким безразличным любопытством досмотрели сцену до конца. Одна белая супружеская пара привела даже свою двенадцатилетнюю дочурку, чтоб та могла посмотреть в подробностях то, что должно было бы лишить ее сна на многие ночи вперед, если не вообще травмировать навсегда ее нервную систему. Комментарии, которые можно было услышать в толпе, были самого различного толка: одни восхваляли такой радикальный и решительный способ борьбы с черными «преступниками», другие выражали твердую уверенность в том, что теперь-то их жены и дочери будут в безопасности. И если кое-кто выражал неодобрение затеи с сожжением уже мертвого тела, сам самосуд ни у кого осуждения не вызывал.

На веревку, которая пошла на повешение, и ту, с помощью которой жертву тащили из тюрьмы, тут же нашлись любители сувениров. Завязалась едва ли не настоящая битва за обладание кусками веревки, и в считанные мгновения обрезки от одного дюйма до шести разместились в карманах счастливых коллекционеров».

Перевел с английского
С. РЕМОВ

XX век, 80-е годы

...В МОБИЛЕ

Пит БРАЙАНТ,
американский журналист

...По дороге в этот южный портовый город я размышлял о том, как, собственно, полиция и пресса города могут утверждать, что девятнадцатилетнего негра Майкла Дональда линчевали вовсе не из расистских побуждений. В течение следующих пяти дней я проинтервьюировал около 50 жителей Мобила и пришел к выводу, что утверждения полиции и прессы — обыкновенная ложь.

Я разговаривал, например, с Касмарой Мани, темнокожим американцем, которого полиция Мобила пыталась линчевать в 1976 году — повесить на дереве. В результате кампании протеста, развернутой негритянской общиной, Касмара Мани подал иск в связи с покушением на его жизнь, но «дело» было замято за 41 тысячу долларов, не дойдя до суда.

Потом я услышал о судьбе Элии Бриджа, негра, который был похищен белыми прошлой осенью, увезен в Миссисипи, где ему нанесли 49 ножевых ран, каждая из которых была смертельна.

Я узнал о том, что за последние годы десятки темнокожих жителей Мобила подверглись нападению со стороны белых полицейских и ничего не было сделано для того, чтобы наказать виновных.

20 марта, в пятницу, на газоне перед зданием окружного суда был зажжен ку-клукс-клановский крест; городские власти, однако, не обратили на это никакого внимания. Горящий крест «заметили» лишь несколько полицейских и чиновников, которые, однако, не решились сообщить об этом по начальству, тем более они не позволили назвать их имена в этой статье. Но я сам видел фотографии обуглившегося креста.

Примерно в то же самое время, когда перед зданием суда горел крест, Майкл Дональд вышел из дома своего племянника, чтобы купить пачку сигарет. Домой он больше не вернулся.

21 марта ранним утром шедший на работу негр обнаружил измазанное грязью тело Дональда, висевшее на дереве в соседнем квартале. Агенты полиции высказали предположение, что Майкла убили где-то в другом месте, а затем уже привезли в Мобил и повесили.

Члены семьи убитого, видевшие его тело, заявили, что лицо и голова Дональда были страшно, почти до неузнаваемости изуродованы. По словам сенатора штата Майкла Фигерса, колотые ножевые раны на шее Дональда, по всей видимости, были нанесены в ходе некоего расистского ритуала. Нижняя челюсть сломана, на лице явственно виднелся отпечаток каблука. Когда мы уезжали из Мобила спустя две недели после линчевания Майкла Дональда, власти заявили, что медицинское заключение пока еще не готово.

Представляет, однако, интерес тот факт, что через улицу от того места, где было найдено тело Дональда, стоит жилой дом, хозяин которого является бывшим полицейским Мобила и в то же время известным и не скрывающим этого членом ку-клукс-клана. В этом же доме живут двое из трех обвиняемых в убийстве Дональда.

На следующий день после состоявшегося суда Линча на городских мостах и в окнах проезжавших по дорогам машин появились веревочные петли. Цель этой демонстрации очевидна — нагнетание страха. Миссис Гертруда Хантер, живущая рядом с домом Дональда, говорила мне, что ее дети боятся выйти в магазин, да и вообще выходить из дома.

На следующий день после расправы капитан мобилской полиции Сэм Макларти давал по радио интервью по поводу убийства в одном из городских баров еще одного негра. Убитого он называл «ниггером»...

Негритянское население города было охвачено негодованием, люди ставили под сомнение способность и желание Макларти довести до конца расследование линчевания Майкла Дональда. Местная негритянская организация объявила Макларти расистом и потребовала, чтобы он извинился за оскорбительное для негров замечание. Тот отказался. В качестве посредника было призвано местное отделение по урегулированию общественных отношений, представляющее здесь министерство юстиции и печально известное своим стремлением подорвать движение за расовую справедливость.

В местном издании «Пресс реджистер» мы смогли прочесть короткое сообщение об аресте трех белых мужчин, обвиненных в убийстве Дональда. Эти трое — Ральф Хейз, двадцати трех лет, и два брата, двадцатидвухлетний Джимми Эдгар и двадцатишестилетний Джонни Эдгар. Пока что их отпустили под залог в 250 тысяч долларов.

Хейз в 1978 году был условно осужден за кражу со взломом и хранение марихуаны. Джимми Эдгар в 1979 году также был освобожден из тюрьмы, отбыв лишь половину срока, который он получил за кражу со взломом.

Помимо этой информации, дополнительных сведений о предполагаемых убийцах я найти не смог. Судя по всему, ни одна из двух ежедневных городских газет не собирается расследовать причины линчевания.

Во всем этом есть какая-то злая ирония, тем более что все, кто знал Майкла Дональда, описывают его как «приятного, трудолюбивого молодого человека». Между прочим, он работал на полставке в «Пресс реджистер» и, кроме того, учился в местном техническом учебном заведении.

Я беседовал также с матерью Майкла Дональда, миссис Беллой Дональд. Незадолго до смерти сына один из сотрудников службы социального обеспечения заявил ей, что в результате сокращений бюджетов на социальные программы, проводимых администрацией Рейгана, она лишается продовольственных талонов, бесплатной медицинской помощи и пособия для неимущих.

В последний раз, когда я видел ее, у нее кончилось лекарство, прописанное ей от гипертонии. Хозяин дома, где она живет, пригрозил ей скорым увеличением платы за жилье, так как из газетных сообщений о смерти ее сына ему стало известно, что Майкл хоть и не полный рабочий день, но все же работал, так что какие-то деньги у него должны были быть.

Руководители местных общественных организаций, занимающихся социальным обеспечением неимущих, недавно собрались, чтобы выработать план действий против бюджетных сокращений, которые ставят под угрозу жизнь миссис Дональд и многих других. Намечаются обращение к властям с письмами протеста, массовые митинги и другие мероприятия.

Состоялись собрания и афроамериканской общины Мобила. Касмара Мани, которого, как мы помним, лишь «случайно» не линчевали белые полицейские, призывал на них к единству и активным действиям темнокожих граждан, призывал прогрессивные слои белого населения бороться с расистским насилием и расистским мышлением, которое, по его словам, «пропитало всю Америку».

Перевела с английского
С. СУХАЯ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Ровно сорок минут довелось мне видеться и говорить с болгарским поэтом и писателем Калином Донковым. Не скрою, поговорить мне с ним хотелось очень. Как всегда бывает с настоящими поэтами, он запомнился сразу уже ранними своими публикациями. Почему! Кто знает. Ведь в стихах каждый открывает что-то свое, соответствующее его настроению, выражающее его мысли, которые никак не удавалось сформулировать самому.

А через четыре года в болгарском журнале «Пламя» я прочла большую статью о поэте, где рассматривались уже три книги стихов и два публицистических сборника Калина Донкова, определялось его место в болгарской литературе, приводился термин «по-калиндонковски», означавший: предельно искренне, открыто, по-граждански, не уклоняясь от ответов на сложные вопросы, чувствуя свою причастность.

Журналистские маршруты все никак не приводили меня в Болгарию; оставалось одно — просить знакомых. Большинство из них по возвращении смущенно разводили руками: спрашивали, мол, в магазинах твоего Калина Донкова, продавцы отвечают, что не лежат его книги на прилавках, а публицистический сборник К. Донкова «Частный случай» был распродан в считанные дни и объявлен бестселлером.

И в поэзии и в публицистике К. Донкова прослеживается сквозная мысль: человек должен верить в высокое свое предназначение, духовное начало должно противостоять сухому рационализму, добро — злу, честность — подлости. И, раскрывая человеческие боли, язвы и опухоли — тщеславие, зависть, пренебрежение родительским долгом, неблагодарность, невнимательность, стяжательство, корысть,— автор задается вопросом, почему они существуют, вернее, почему еще они существуют, то есть рассматривает отрицательные явления как пороки уходящие.

В разговоре со мной Калин Донков сказал: «Для меня огромное значение имеет испытание моей писательской и гражданской позиции перед советским читателем. Это важнейшая проверка для автора, адресующего свое слово социалистическому обществу, социалистическому сознанию. Наверное, каждый писатель из социалистической страны полагает, что обращение к такой теме не может быть только национальным».

Ирина ПАНОВА

В издательстве «Прогресс» готовится к публикации книга Калина Донкова «Такси на тротуаре», из которой взяты помещенные здесь фрагменты.

ОТ АВТОРА

В доме у каждого, кто долго работал в редакциях газет или журналов, обычно скапливаются блокноты, тетрадки, записки и черновики. В один прекрасный момент журналист принимается за расчистку своей авгиевой творческой лаборатории, стремясь привести в порядок не только рабочее место, но и свои счеты с прошлым.

И тут он начинает перелистывать и перечитывать свои записи... Стрелки времени начинают двигаться в обратную сторону, журналист пытается припомнить, когда он писал о том или этом, что именно писал, хорошо или средне, с душой или по служебной необходимости.

Бывало, мне намекали, что о том-то и о том-то писать неудобно, советовали не связываться с той или иной темой; бывало, я сам колебался, уместно ли вторгаться в данную область или приводить определенный факт. Однако я ни на миг не отказывался от мысли осуществить свое намерение, ни на йоту не поступался своим долгом прокомментировать определенное явление. Нужно ли вообще уклоняться от острых вопросов и насколько это честно — оставлять «на потом» планы, тесно связанные с долгом участвовать в жизни!

Но наступает момент, когда ты должен взяться за перо, ибо сможешь высказаться по проблемам, над которыми бьются в данный момент твои друзья, изучающие, осмысливающие, преодолевающие эти проблемы.

Калин ДОНКОВ,
болгарский писатель

ЭТИ ЧАСТНЫЕ, ОБЩИЕ СЛУЧАИ

(ДИСКУССИОННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ: ТЫ И СЕМЬЯ, ТЫ И ДРУЗЬЯ, ТЫ И ЛЮДИ ВОКРУГ)

ПУСТЬ У ВАС БУДЕТ ВРЕМЯ!

С годами человек нет-нет да и возвращается мыслями к дружбе. Для этого столько причин! То мы проходим «сезон больших разлук». То вдруг закручинимся о загубленных днях, о посвященных пустякам часах, об ошибочно сказанных словах, об откровениях, не понятых близкой душой и улетевших блуждать в пространстве. Конечно же, чаще всего и самые сильные разочарования становятся причиной распадающихся дружеских связей. Вместе с накопленным жизненным опытом приходит переоценка ценностей, подведение итогов, даже против своей воли человек всматривается в окружающих более пристально, более взыскательно, разрываясь между присущим зрелости максимализмом и еще более естественной жаждой прощать. Человек раздумывает, колеблется, прежде чем посмотреть по-новому на кого-нибудь из старых друзей. Прекраснейшая награда — дружба, выдержавшая очередное испытание.

Даже у самых наивных есть понимание и свои измерения дружбы. Аппаратура для распознавания близости и верности проста и непогрешима. Она умеет читать мысли, переводить их на доступный самым доверчивым из нас язык. Так, иногда благоразумие в переводе звучит как страх, занятость — как безразличие, терпеливость — как враждебность, восхищение — как зависть, молчание — как ложь. Каждый день люди сходятся и расходятся, расстояние между ними меняется, иногда оно становится таким огромным, что всякая сила притяжения исчезает, и «тела» изменяют свои орбиты, расстаются навсегда. Между нами и окружающими нас трепещут протянутые нити, по ним мы получаем и отдаем дары дружбы... Но наша «аппаратура» пока нам служит. На одной интуиции жизнь не прожить. Поэтому и скорбим мы ежедневно над пепелищами таких вроде бы обычных человеческих отношений, отсюда все наши сомнения и надежды, колебание и вера, все заблуждения и прозрения, здесь источник нашей предусмотрительности и щедрости, причина наших разлук и возвращений.

Человечество бдительно и неотступно пестует дружбу. Как славит ее фольклор! Классика! А сколько прекрасных примеров вокруг нас! Но дружба страдает от своих нерешенных вопросов, борется со странностями человеческой природы, возвышается и падает, погибает и побеждает. Пока мы ее осовремениваем. Пока ее модернизируем. Пока очищаем ее от слабостей. От сентиментальности. От нежности. От чувствительности. Были годы, когда считалось, что люди должны сближаться только для того, чтобы говорить о недостатках «прямо в глаза». От товарищества оставалась в основном беспощадная взыскательность, непримиримая критичность. И это прошло. Но долго еще важнейшая связь между людьми оставалась какой-то холодной, забитой, часто беспомощной. Огрубели кончики пальцев дружбы, тяжело колебались мембраны, должные принимать сигнал боли и тревоги, утратила свою высокую цену обыкновенная чашка кофе, дружеский бокал вина после работы.

Во времена всевозможных анкет нас часто спрашивали, знаем ли мы своих соседей, общаемся ли, ходим ли к ним в гости. Потом на нас будут показывать пальцем и говорить, что мы не правы. Не общаемся, не ходим, почти не знаем. Нас собрали отовсюду и поместили в бетонные стены, как в некий склад, где мы должны оставаться до конца жизни. А мы в том возрасте, когда истинные нити дружбы уже давно сотканы. В возрасте, когда уже не так просто высвободить в сердце место еще для кого-то. К тому же нет достаточной вероятности, что этот кто-то окажется твоим соседом.

В то же время друзья твои наверняка живут далеко. Случайно вам никак не встретиться. Не встретиться неожиданно, без предварительной договоренности. Вы не можете часто смотреть друг другу в глаза, забываете, каков он — тревожный взгляд, тревожный голос товарища, перестаете различать, когда у него плечи сокрушенно опущены, трудно отличаете морщину у рта, появившуюся от забот, от той морщины, что приобретена с годами. И виноваты в этом не только вы, не только демография и урбанизм, не только динамичность и сложность расписания жизни — дружба между занятыми людьми оказывается более трудной, чем все непростые дружбы.

Каким неудачным был этот год для самых близких моих товарищей! Сколько болезней, переживаний и тягот обрушилось на них — а значит, и на меня! И как мало я нашел для них утешений, как мало слов, как мало молчаливого сочувствия, как мало... времени! Ко всем угрызениям прибавляется чувство, что я сделал не все для того, чтобы выполнить свой долг. Почему с опозданием приходил к ним домой, почему покидал внезапно их печальные трапезы, почему остались недописанными многие письма! Что меня отдаляло от них, что отвлекало от их боли, какие неотложные государственные, мировые дела брали верх! А разве дружба — не такая же неотложная, государственная и даже мировая работа! Как мы ее выполняем, перед кем мы должны за нее отчитываться, кроме как перед своей совестью, и без того перегруженной! Существуют ли оправдания! Существует ли искупление!

Когда-то я хотел написать памфлет на занятого человека. Или на занятого собой человека. Или на свободного от всех обязанностей человека. Или на занятого не тем, что заслуживает занятости. На человека, не привыкшего всюду являться вовремя. На человека, утратившего способность спасать и утешать. На человека, превратившего сочувствие в формальность, утопившего свою заботу о других в пустословии. На человека, отгораживающегося стеснительностью именно тогда, когда он должен вмешаться. На человека, который, в сущности, вредит самому себе, оставляя в беде другого...

Наша занятость оказалась не чем иным, как простейшей, толстокожей, безразличной холодностью. От нагромождения дел человек, может, и останется жив, но, без сомнения, гибнет то сердечное, доброе, сочувственное и отзывчивое, что нас с ним связывало; мы начинаем меньше тянуться друг к другу, труднее любить, легче расходиться, отдаляться, забывать. Почему так получается, что иногда мы знакомимся «между прочим», думаем о друге «между прочим», беспокоимся «между прочим» и «между прочим» спрашиваем, как поживаешь! Откуда эта наша склонность извиняться занятостью и ею объяснять любую душевную недостаточность! Не вульгарно ли обвинять работу в несовершенстве своих чувств! Серьезны ли наши утверждения, что она нам мешает быть душевными и добросердечными людьми! Если же все-таки есть такая работа, значит, и она нуждается в лечении — пока снова не начнет помогать человеку, а не сковывать его. Или, может, виновато что-то другое, появившееся в нас, чему мы еще не смогли дать имя!

Ведь ежесекундно где-то кто-то может нуждаться в сострадании и утешении. Ведь человеческое горе вопреки всяческим романтическим прогнозам долго не исчезнет.

Пусть у вас будет время!

Пусть у вас будет время для больших маленьких дел, для огромных незначительных переживаний, для великих мелких радостей. Вы живете на расстоянии одного шага от ближнего — от вас зависит, соединяет или разделяет вас этот шаг. Предложите ему свою руку, прежде чем предлагать ему свою кровь. И когда вы говорите: «Я — с тобой», будьте готовы отвечать за свои слова.

Пусть у вас будет время!

Обидно, если его нет. Сокрушительно, если нет. Нечестно, если нет. Но если вы кого-нибудь прогоняете от своего порога, прогоняйте, потому что он того заслуживает, а не потому, что жалко на него тратить лишнюю минуту. И если зачеркиваете в записной книжке чей-то телефон — пусть это будет только тогда, когда тот человек сам себя вычеркнул в вашей душе, а не по причине того, что вы жалеете на него дорогие вам часы.

Пусть у вас будет время!

Наперекор всем уважительным причинам. Пусть у вас будет время в понедельник, вторник, среду, четверг, пятницу. Пусть у вас будет время не только в выходной. В календаре дружбы все дни красные. Пусть у вас будет время для озабоченных и печальных, пусть у вас будет время для людей, которые встревожены и которые в беде. Не забывайте, что

к вам в двери стучат за утешением так же, как стучат, если нужен хлеб и огонь.

Пусть у вас будет время!

Потому что для кого-то это ваше время может быть спасением. Потому что для кого-то время может означать выход. Потому что для кого-то время — будущее.

Предлагаю:

Пусть у вас будет время!

И поскольку одиночество все чаще напоминает нам неосвещенные пространства небытия, а равнодушие почти точно подсказывает температуру смерти, поскольку мы доподлинно знаем, каким безутешным может быть иногда человек, заклинаю вас:

Пусть у вас будет время!

ЧТОБ НЕ РОСЛИ СЕМЕЙНЫЕ АЙСБЕРГИ

Если человеку выпадает случай писать о матери, ему так и хочется надеть чистую рубашку, выбить из самых отдаленных складок своей души пыль прежнего гнева, досады или неприязни, придвинуть стол к хорошо вымытому окну и до ночи трудиться в надежде открыть хотя бы одно не сказанное до него нежное и прекрасное слово. И хоть это желание заранее обречено, поколение за поколением, невзирая на тома книг, сочиненных предками, дописывают оду материнской любви. Редко кто из пишущих не решится исполнить свой долг перед теми, кто выстрадал нашу жизнь еще до того, как мы родились, для которых мы — боль и бессонница, забота и смысл существования и все то еще, что составляет мучительную и великую связь между ребенком и матерью, пока жив хотя бы один из них. Но что можно добавить к этой оде, в которую вместе с нашими матерями навсегда вошли и наши коклюши и кори, наши гланды и прививки, наши влюбленности и разочарования, наши крушения и подъемы! В эту оду, в сущности, вмещается история, ибо что такое матери и их дети, если не все, что мы называем человечеством!

Они живут воспетой в веках жизнью и наполняют мир вечным и трагичным беспокойством, наивным упованием, что их дети никогда не умрут. Материнство их неистребимо до конца дней, и они переносят его на детей своих детей, на детей своих внуков — и выхаживают их, растят — только бы была милостива к их продолжению загадочная судьба, только бы не иссяк ток их крови. С запозданием узнаем мы о чудесах их любви, совершенных ради нас, и ни перед кем не испытываем такой глубокой вины за свое несовершенство, как перед ними. Ни перед кем мы не предстаем такими эгоистичными, холодными и бесчувственными, как перед своими матерями,— потому что никакие ласка, внимание и щедрость не могут нас приблизить к полной оплате им.

Грешно открывать книги, искать, что сказал тот или иной о матерях: для этого случая каждый должен иметь что-то в себе.

Приходит время, и природа одаривает нас самих родительским счастьем. Айсбергом несправедливости становятся тогда те многочисленные знаки внимания и приветливости, которые мы могли оказать, но не оказали своим детям. Не разрастается ли эта опасная для житейских путешествий громада в те минуты, когда мы говорим: «Не мешай, я сейчас занят», и сын или дочка покорно исчезают! Не крепнет ли айсберг в те дни, когда мы можем спать, работать, ходить в гости, ездить на экскурсии, на курорты, а дети наши остаются далеко от нас, и мы не знаем, что у них болит, что их огорчает! Не нависает ли над всеми нами эта ледяная гора, когда кто-то из нас предусмотрительно страхует своего больного ребенка на случай «вдруг что-нибудь», так чтоб, не дай бог, не понести убытка! Не вмерзли ли в подножие ее все дети, ждущие у входа в дом родителей, ушедших развлечься, а сами эти так называемые «уличные дети» уже упражняются (мальчики) в «налетах» на подвалы и телефонные будки, а девочки прогуливаются в обнимку с местными хулиганами! Не сталкиваемся ли мы с этой ледяной опасностью всякий раз, когда хотя бы на секунду ставим выше святости родительского чувства нечто будничное, эгоистичное и банальное!

Как часто пишут о бессовестных сыновьях и дочерях, выгнавших мать или отца на улицу либо в дом для престарелых. Но о жестокосердии, холодности и безразличии к детям как-то говорить неудобно. А ведь эти качества еще более тревожны, даже если проявляются мимолетно, если они незначительны, почти незаметны. Взглянув честно и мужественно в собственную душу, мы наверняка откроем в ней родительские недостатки, которые никогда не простили бы своим матерям.

Никто не воспитывал в нас такое свойство, как отцовская или материнская любовь. Никто не воспитывает ее и в наших детях. Она согласно общепринятому пониманию рождается в семьях, «вдыхается», «всасывается с молоком матери» и т. д. Возможно, это и так, но, погруженные в такие главные для нас проблемы и вещи, увлеченные генеральными, доминирующими, первостепенными и прочими целями, явлениями и процессами, мы все никак не успеваем оглянуться вокруг, посмотреть немного назад. А там, в руинах отброшенных нами привычек, обычаев и жизненных устоев, гибнут в муках разрушенные демографическим взрывом наши родовые кланы. Почти полностью изменившаяся, испытанная столетиями среда традиционной семьи. Три или четыре живых поколения от одного корня сегодня могут быть разбросаны на три или четыре стороны (например, по схеме: бабушка и дедушка — в селе, отец и мать — в районном центре, сын и сноха — в Софии, дети — в яслях или в интернате). Тогда на каком основании мы рассчитываем на традиционную систему воспитания родительских рефлексов и ответственности и ничего не делаем для того, чтобы заменить ее другой системой! Не следим за состоянием созданной природой автоматики, не проверяем ее исправность, не имеем представления, как она работает при новых условиях, когда кровные узы ослаблены до последнего предела расстояниями (в буквальном смысле) между близкими людьми и когда разлука становится привычной! И последнее: мы ничего не пишем и не говорим о том, что без этих автоматических качеств личности и речи быть не может о социалистической нравственности, о коммунистической партийности. Со времени социалистической революции эти качества всегда в центре внимания общества. Но, к сожалению, вся любовь, милосердие и спасительная человечность нашего общества не могут заполнить страшную пустоту в судьбах несчастливых детей.

Если признаться откровенно, мы еще не изобрели заместителя матери и отца, ни один коллектив, заводская бригада, полк и т. д. не могут быть человеку «вместо матери» в полном смысле этого слова.

...А теперь о семьях несчастливых.

В сущности, общественное мнение как будто свелось к формуле: терпение — это хорошо, развод — плохо. Коротко и предельно ясно, но очень уж бедно для авторитета коллективного разума. Непонятно, где остались любовь, доверие, признательность, обязанности по отношению к другим, потребность поддерживать и защищать, отчаяние, отвращение к измене, невозможность жить на могиле любви, нежелание принимать лень, ложь, воинствующее потребительство у себя дома, делить с ними крышу и стол. Как распределить эти и десятки других «подробностей» по ящичкам с надписями «добро» и «зло»! Не порождается ли именно этой неопределенностью такой распространенный призыв к компромиссу любой ценой!

Итак, терпение — это хорошо, развод — плохо. Классическая уже формула: семья — основная клетка общества. А вдруг ты случайно закрылся в этой клетке вместе с каким-нибудь хищником! Что от тебя останется! И не создается ли таким образом некая странная форма подчинения, некая «брачная зависимость», которая может длиться кошмарно долго и выражаться в эксплуатации, травле, преследовании перед лицом государственных и общественных органов, в советах им сделать должные выводы! Если от башен любви остались одни руины, не важнее ли для человека незамедлительно начинать новую стройку! Не требуется ли от него именно это!

Если семейный союз — это не союз свободных людей, тогда он напоминает гипотетические представления об антиматерии и антимирах, изобретенные фантастами. Там все как в реальной действительности, но только с обратным

знаком, цветом, ценностью, запахом, с обратным смыслом. Союз заменен враждой, доверие — подозрительностью, потребность — принуждением, улыбка — злобой, преданность — отчуждением. Если это пресловутое «хорошо» делается во имя детей, отдаем ли мы себе отчет в том, что всю свою жизнь они могут воспринимать вещи лишь с обратным знаком, заменяя честь подлостью, щедрость — алчностью, уважение — снисхождением, признательность — неблагодарностью! Тогда разве «правильно», разве «хорошо» препятствовать совести решить все самой и в должное время!

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ «СВОБОДЫ»

Включается иногда какая-то машина времени, подобная той, что изобрели авторы фантастических романов, и эта машина переносит нас в исчезнувшие тысячи лет назад леса, где жестокость, кровожадность и насилие можно было видеть «на свободе», в их «естественной среде». От этой «свободы» человек давно отрекся сам, но мрачные и предупреждающие напоминания о тех временах блуждают среди нас, порой давая о себе знать даже в наше время, время вечно прогрессирующего гуманизма. И мы вдруг вспоминаем, что то, что мы популярно именуем Злом, исчезает значительно медленнее, чем нам хотелось бы, что не нам выпало на долю жить в стерильном и полностью безопасном для духовного (и для физического!) здоровья мире. И сколько бы мы ни сгущали некоторые подробности, мы не можем сгустить и без того великую тревогу за тех, кто на наших глазах необратимо откатывается назад, в каменную эру, и часто, несмотря ни на какие усилия, их нельзя вернуть назад — никакой машиной времени, никакими достижениями воспитания.

Я не склонен разделять беспечность все еще встречающихся специалистов по рассеиванию общественного беспокойства, предлагающих в качестве объяснения всякого частного случая какую-то, также частную, причину и упорно настаивающих, например, что незадачи с детьми происходят единственно вследствие семейных неурядиц, что в жестокости виновны в основном неосмотрительно импортируемые фильмы и что газеты, описывающие криминальные истории, вовлекают людей в преступный мир.

Даже сейчас, когда стало в конце концов актуальным понятие «психологический климат», мы все еще наполняем его главным образом производственным содержанием, служебными надеждами и чаяниями. А когда среди публики на каком-нибудь плохоньком матче совершенно из-за ничего схватываются два металлиста или два шахтера и десять человек не могут оторвать их друг от друга, сдержать каменную ярость их кулаков, мы чаще всего, вспоминая этот случай, пожимаем плечами и мысленно записываем его в графу, где стоят у нас загадки человеческой природы.

Не вечно кислой физиономией бригадира объясняем мы то или иное происшествие. Не сверхурочной работой в субботу или в воскресенье по причине чьей-то организаторской несостоятельности. Не формальной раздачей поощрений и выговоров. Не вечной занятостью того, кто наделен человеческим и партийным долгом выслушать тебя и дать совет.

И уж, конечно, не обидным трюкачеством мясника, не увиливанием служащей домоуправления, не истеричным властолюбием трамвайного контролера, не скандальным безразличием кого-то из врачей, не предварительно выпитой в ресторане рюмкой, не испорченным по пути к дому вечером.

Выходит, не дежурное и не шаблонное это житейское правило — быть добрым к другим людям. Не стерлось оно и не стало формальным, не стало платоническим, не стало отклонением в простых, порядочных человеческих отношениях. Это не «ретро», не мелкобуржуазная демагогия, не «христосовщина» или «толстовство» — человеческая доброта, о которой мы давно уже почти не говорим и о которой, вероятно по этой самой причине, в последнее время так часто мы вынуждены писать. Жизнь закономерно подводит нас ко все более мелким, все более незаметным ее частицам, пытаясь доказать их насущность, их значение для тысяч людей, для всего мира.

Так опасно, когда скапливаются пылинки разочарований и огорчений, частички наших антипатий и скрытых возмущений. В какой-то день они могут вспыхнуть от одной-единственной случайной искры, как вспыхивают такие, кажется, мирные крупинки муки на вальках старых мельниц. Или от какой-нибудь ранки, от одного из многочисленных мелких уколов, полученных во время наших ленивых, затеянных от скуки или ради престижа семейных и служебных боях на шпагах, после чего незаметно образуется фатальный тромб, кусочек сгустившегося напряжения, затвердевших неприятностей, и этот тромб движется по кровотоку, блуждает, угрожая всему разумному жизненному устройству подобно мине замедленного действия, срок которой истекает неизвестно когда. Словно пыль колесами из сухого осеннего поля, мы все рано или поздно выбиваем из себя раздражение, скопившееся в клетках, нервах и гемоглобинах, и каждая такая вспышка неуправляема, безобразна.

Какова потребность современного человека быть любезным, отзывчивым, внимательным, корректным, услужливым, приветливым и т. д.— этим вопросом мы почти не задаемся, не исследуем его, не даем оценку — наверное, потому, что все это не имеет отношения к производству. Мы не замечаем, как поглощаемые малыми дозами гнев, обида, неприязнь изменяют вес того или иного человека, он становится опасно тяжелым, способным раздавить кого-то из нас.

Я осмелюсь утверждать, что и мельчайшая душевная недостаточность, самое незначительное пренебрежение к революционному гуманизму не остается без последствий, блуждает среди нас, вдруг словно утихая, но на самом деле притаившись неизвестно в ком, изменяя тяжесть его тела, а значит, и его природу. После какой-нибудь бессмысленной и тяжелой вспышки гнева или жестокости мы продолжаем говорить, что ничего общего с этой вспышкой не имеем. Но именно это сравнительно недавно вошедшее в моду «ничего общего» и делает нас очень причастным к любой подобной трагедии.

Делает нас этакими невинными соучастниками, которые никаким законом не караются.

Такими легкомысленными и свободными от самых обыкновенных обязанностей озорниками, которые, нужно им или не нужно, бросаются друг в друга камешками, каменными осколочками.

Такими беззаботными коллегами, начальниками или просто знакомыми, которые тебе любезно пересаживают раковые клетки или пробуют твои сердечные мышцы на выносливость.

Такими нелепыми любителями бескровных и, конечно, безопасных игр с доверием, терпением, молчанием и в результате с совестью.

Иногда мы снисходим до поисков причин гнева, но чаще всего упираемся при этом в популярное, но несколько бесформенное понятие «комплексов». Тот или этот «выплескивают» комплексы. Выплескивание мы видим четко, а накапливание не замечаем. И не чувствуем, как сами участвуем в нем.

Наше участие состоит в том, что мы считаем несовременным быть миролюбивыми и доброжелательными.

Считаем обременительным быть отзывчивыми и сострадательными.

Полагаем, что такие эпитеты, как «добрый», «мягкий» и «воспитанный», не имеют никакой практической ценности в служебных, общественных, да и личных оценках и соображениях.

Употребляем — и с годами все больше — слово «кроткий» только как синоним «кретин».

«Комплексы», накопленные при нашем участии, ложатся тяжким грузом на кого-то невиновного. Это всегда несправедливо, унизительно и тревожно.

И дорожка из каменных осколочков вьется за нами, словно та ниточка из сказки, которую тянут за собой дети, чтобы не потерять дороги назад.

Но зачем она нам, если мы не хотим возвращаться!

Продолжение следует

Перевод с болгарского И. ПАНОВОЙ

Книгу «Вернись в Сорренто...» польская певица Анна Герман писала в трудное время: она приходила в себя после автомобильной катастрофы, случившейся в Италии. Она вспоминала о пути на сцену, об успехах, о труде. Она «изгоняла» из себя болезнь: Анна Герман готовилась к возвращению к песне. Эта книга выдержала два издания в Польше, в 1985 году издательство «Радуга» выпускает ее в русском переводе. В русском издании к воспоминаниям самой певицы добавлены воспоминания о ней и интервью, которые она давала советским журналистам. Мы предлагаем вашему вниманию отрывки из книги: слова человека светлого, честного, верного себе и делу.

ВЕРНИСЬ В СОРРЕНТО...

Анна ГЕРМАН

...На протяжении тех пяти бесконечно долгих месяцев, что мне пришлось лежать в гипсовой скорлупе, а также многих последующих месяцев, когда я лежала в постели уже без гипса, я неоднократно клялась себе, что больше ни за что не вернусь в Италию и даже не буду вспоминать о ней.

Решение это родилось у меня еще там, в Италии, когда ко мне впервые полностью вернулось сознание. Строго говоря, это произошло на седьмой день после катастрофы, однако действительность возвращалась ко мне лишь эпизодически. Так что в минуты прояснения, отдавая себе отчет, что со мной случилось и где я нахожусь, я утешала себя, бормоча: «Никогда больше сюда не приеду». После чего — в зависимости от душевного состояния, от того, насколько острой или уж совсем нестерпимой становилась боль,— я отпускала несколько не очень лестных эпитетов в адрес Апеннинского полуострова и уровня моторизации, которого достигли его жители.

Теперь хочу объяснить, почему я все-таки пишу, возвращаюсь памятью к тем дням.

Как во время моего пребывания в трех итальянских больницах, так и позднее в Польше я получала массу писем от незнакомых людей, которые искренне сочувствовали мне. Я не в состоянии ответить на все письма, даже если бы очень хотела.

Кроме того, до меня время от времени доходят невероятные слухи о себе самой. Удивляться тут нечему — я знаю, что они вызваны отсутствием верной информации и неподдельной доброжелательностью. Вот я и подумала, что мой долг перед слушателями — вернуться к моим итальянским впечатлениям.

Хотя мой контракт действителен до конца 1969 года, никто не может потребовать от меня, чтобы я вернулась к работе, вернулась в Италию петь — уже по одной той причине, что мне еще нельзя петь и понадобится много времени, чтобы полностью восстановить здоровье. А потому мой корабль стоит на якоре в родном порту, где меня не могут настигнуть штормы. Вот отчего я так расхрабрилась! И все же прошу о снисхождении. Правда, в школе у меня по польскому была пятерка, но с той поры мои контакты с пером и бумагой ограничивались лишь письмами, написанными чаще в отчаянном тоне. Так что даже чувство юмора оказалось во мне загипсованным. Но зато все мои высказывания будут откровенными, как в письмах к маме, без примеси хвастовства, без малейшего оттенка саморекламы. Для рекламных целей мне вполне хватило самой катастрофы.

Анна Герман

Варшава, июль 1969 года

Октябрь 1966 года был на редкость теплым и солнечным. Я сидела в своем номере в гостинице «Варшава», набрасывая в блокноте перечень дел на завтра. Их набралось ужасно много.

Мои раздумья прервал телефонный звонок. Я взяла трубку и услышала мужской голос, обладатель которого проинформировал меня, что звонит из Милана, что будет в Варшаве через несколько дней, и осведомился, не хотела ли бы я подписать договор на три года с миланской студией грамзаписи КДИ.

Спустя несколько дней действительно прилетел господин Пьетро Карриаджи — лысеющий блондин, но истинный итальянец. Во время нашей официальной беседы при участии заместителя директора ПАГАРТа[1] господин Карриаджи старался в самом радужном свете обрисовать перспективу, которая ожидает меня в Италии, а именно в его студии. Он счел возможным прибегнуть даже к рекламным приемам, уверяя, что в его студии записывались такие знаменитости, как Марио дель Монако.

Позднее оказалось, что знаменитости являются как бы общенациональной собственностью. Они могут записываться всюду, даже в такой незначительной студии, как КДИ. Студия же записывает их для саморекламы и платит за это изрядную сумму. Но я ни о чем не подозревала, подумала: «Ого, сам Марио дель Монако! Стало быть, это солидная фирма». Однако повлиял на мое решение иной довод: я всегда питала слабость к итальянским песням — у них красивые мелодии и их легко петь на итальянском.

Пьетро Карриаджи управляет своей фирмой сам, без компаньонов. У него работают около двадцати человек, в том числе его брат и отец. Своего положения Пьетро, несомненно, достиг благодаря таким чертам характера, как выдержка, решительность, оперативность и жесткость в сочетании со склонностью к диктаторству. Удивляться тут нечему, ибо тяжела жизнь бизнесмена в непрерывной конкурентной борьбе за выживание, за рынок — за все! Но Пьетро порой может быть великодушным и очень гордится, видя признание со стороны своих близких. С этой целью он позволяет высказываться по вопросам музыки даже портье и уборщицам. А иногда считается с их мнением. Между прочим, в данном случае он твердо уверен, что ничем не рискует, поскольку эти простые люди высказывают, как правило, объективную оценку.

Начались приготовления к моей первой поездке в Милан. Времени было, в общем, маловато; итак, еще одно собственноручно сшитое платье, несколько экземпляров нот, новый итальянско-польский словарь...

В миланском аэропорту мы приземлились поздно вечером. Там меня уже поджидали. Пьетро представил мне молодого человека по имени Рануччо Бастони, который с той минуты должен был стать моим личным импресарио.

— Рануччо — журналист,— заявил Пьетро.— Он будет сопровождать тебя в течение всего дня на все встречи, будет отвозить тебя, привозить обратно и заботиться обо всем, что касается твоего паблисити в Италии.

Довольно скоро я почувствовала себя как боксер на ринге, которому грозит неминуемый нокаут, а до конца раунда еще невероятно долго. Требовалось непрерывно отражать удары противника, то есть давать интервью: не допускать возникновения напряженной атмосферы, когда речь заходила о политических проблемах, отвечать на глупые и провокационные вопросы шуткой. Шутка — мое безотказное оружие, к которому я часто прибегала, поскольку искренность, правдивость нередко трактовались превратно, приводя к прямо противоположному результату.

Мой ангел-хранитель Рануччо был необыкновенно спокойного нрава. Его невозмутимость порой доводила меня до слез (конечно, я разрешала себе вспылить, лишь когда бывала одна, в гостинице) и до полного отчаяния. Видимо, по этой причине во мне со дня на день крепла злорадная уверенность, что Рануччо такой же журналист, как я — пигмей.

Первым ушатом холодной воды, опрокинувшимся на мою бедную голову, была моя биография, созданная стараниями Рануччо. Узнав из нее о своем происхождении и судьбах близких мне людей, я была потрясена до того, что потеряла дар речи. Выйдя из шока, я, совершенно забыв, что Рачуччо понимает только итальянский, закричала на родном языке: «Ты сошел с ума! Кому нужен этот бред?» Однако Рануччо, по-видимому, понял меня, ибо принялся объяснять, что, дескать, правдой никого не удивишь, а суть-то прежде всего в том, что люди жаждут необыкновенного, и если какие-то факты и подсочинить, так это ерунда, поскольку, прочитав, все равно никто ничего не запомнит. «Все так делают»,— сказал он, добавив в утешение, что выдумывают вещи и похуже. Доныне удивляюсь, почему, к примеру, моя мама превратилась в армянку? Скорее всего Рануччо некогда прочел биографию Азнавура...

Впрочем, плод его буйной фантазии был полностью одобрен Пьетро, который высказал свои резоны, в точности повторяющие доводы Рануччо. Вдобавок меня же еще и упрекнули: «Я предпринимаю все, чтоб привлечь к тебе внимание, а ты недовольна». Что мне было делать? Уехать домой? Расторгнуть договор? Даже на дорогу до аэропорта мне бы не хватило денег, не говоря уж о билете... А за неустойки по договору пришлось бы платить до конца жизни.

Срок моего пребывания подходил к концу. Встречи с журналистами и рекламные съемки в домах моды давали свои результаты. Пресса почти ежедневно и довольно много писала обо мне. И теперь, когда публика узнала меня из интервью, осмотрела со всех сторон в разнообразных туалетах (какие только при моем-то росте удалось на меня натянуть), можно было позволить мне и спеть. Потому что с некоторых пор стали возникать сомнения: «Ну ладно, все это хорошо, но, вообще-то, она действительно поет?»

Наконец настал день, когда мне позволили выступить перед публикой в прекрасном зале Дома прессы в Милане.

Поскольку с концертом все получилось довольно неожиданно, у меня не было времени подготовиться к такому ответственному выступлению. Ему предшествовала одна-единственная репетиция с пианистом — утром; вечером должна была состояться вторая репетиция с музыкальным ансамблем уже в самом зале.

Подготовлено и опробовано освещение, звук, телевизионные и кинокамеры (часть концерта предполагалось заснять на пленку), микрофоны. Моя персона запечатлена крупным планом и в иных ракурсах, только для репетиции с оркестром все не находилось времени.

А песни были трудные, с меняющимся ритмом, к тому же незнакомые итальянским музыкантам. Наконец маэстро проиграл по две фразы из каждой песни. Публика уже заполняла зал...

После концерта, который прошел сверх ожидания хорошо, я узнала от Пьетро, что у меня слишком серьезный подход к делу, что музыка развлекательная, легкая, так что и относиться к ней надо соответственно. Да простит ему какой-нибудь из итальянских святых, а я так не могу!

Но вскоре все — и хорошее и плохое — должно было отойти в область воспоминаний. Рубежом, отделяющим их от реальности, был для меня аэропорт, а точнее, борт польского самолета. С него начиналась для меня Польша — единственно значимая реальность, желанная в любом своем проявлении.

Я стремилась домой, чтобы получить заряд энергии, любви, вообще чтобы отогреться!

В Польше, конечно, ждали меня и обязанности. Я получила приглашение от профессора Тадеуша Охлевского принять участие в концерте старинной музыки. Музыкального образования у меня нет, голос поставлен от природы, и лично моей заслуги в том никакой. Пение не доставляет мне трудностей, я в одинаковой форме что днем, что ночью. Мне не нужно предварительно «распеваться», проявлять особую заботу о горле и т. д.

Все же, думала я, этого недостаточно, чтобы петь арии Скарлатти, те самые, за которые певицы берутся после многолетних занятий вокалом.

Мои опасения немного поубавились после того, как профессор Охлевский объяснил, что сочинения Доменико Скарлатти (которые он предлагал мне) исполнялись некогда именно в камерной обстановке для небольшого круга слушателей и что их можно петь без специальной подготовки. Он утверждал, что именно в манере исполнения, когда вокальная техника не подавляет естественного звучания и интерпретации вещи, может заключаться свое очарование.

Мое участие в концерте старинной музыки было доброжелательно встречено публикой. Несколько недель спустя до меня дошло поздравление очень издалека, из... Черной Африки. Оказалось, что работавший там польский инженер как раз находился дома в отпуске и, будучи большим любителем старинной музыки, пошел на концерт. Моя пластинка «Танцующие Эвридики», которую он приобрел и которая таким путем оказалась на Черном континенте, получила там признание, песенки, записанные на эту пластинку, завоевали на пяти радиостанциях первое место, а в одной из детских больниц выбрали песенку «Мелодия для маленького сына», чтобы специально проигрывать ее для своих пациентов.

Между тем срок следующей поездки в Италию неумолимо надвигался. Предполагалось, что на этот раз мое пребывание закончится участием в фестивале в Сан-Ремо. Из-за этого фестиваля я потеряла покой.

Пожалуй, стоит пояснить, каким образом проводится «отборочное соревнование» фестивальных песен. За много месяцев до начала заинтересованные композиторы и авторы текстов, у которых уже есть готовая песня и исполнитель (необязательно тот же, кто будет петь ее на фестивале), начинают охоту за свободной студией грампластинок. Найти свободную студию в эту пору невероятно трудно. Добыв студию (чаще всего на строго определенное время), записывают песню на пробный диск. Разумеется, не в полном блеске, а в сопровождении всего нескольких музыкантов, только чтобы жюри могло получить общее представление о достоинствах песни.

В установленный срок, после которого уже не принимается ни одна новая песня, члены жюри усаживаются в удобные кресла,

[1] *ПАГАРТ — ведомство, организующее в ПНР заграничные гастроли.— Примеч. ред.*

сосредоточиваются и терпеливо прослушивают по крайней мере около сотни песен. Принятыми оказываются примерно тридцать. Половина из них также отпадает, и к финалу остается пятнадцать. Это те песни, которые будут бороться за первое место — за золотую медаль. Котируется только первое место. Каждую песню исполняют итальянский и зарубежный певцы. Двукратное исполнение той же самой песни в двух разных аранжировках позволяет жюри более точно оценить ее.

Как я уже сказала, почти ежедневно проходили встречи с композиторами. Порой композитор отсутствовал, и тогда его замещал автор текста. Создатели песен проигрывали их мне и сами же обычно пели, помогая себе движениями всего тела (за исключением рук, которые, к сожалению, нельзя было оторвать от клавиатуры). Впрочем, я уже привыкла к тому, что в Италии нет музыкально неодаренных людей. Если понадобится, здесь едва ли не любой может спеть не хуже профессионала.

Довольно быстро я заподозрила также, что эти обсуждения, которым я так радовалась, обернутся для меня сплошной мукой. Не могло быть и речи о том, чтобы спокойно прослушать песню и объективно оценить ее в присутствии нахваливающего свое творение, потного от возбуждения автора. Во всяком случае, у меня не хватало духу заявить: «Нет, извините, мне не нравится». Единственным аргументом, который я пыталась пустить в ход, был следующий: «Простите, вам не кажется, что эта песня не ложится на мой голос, что я не смогу спеть ее так, как бы вам хотелось?» Но это, как правило, не приводило к желаемому результату. В конце концов с тяжелым сердцем, чувствуя себя ужасной преступницей, я просила дать мне время «на размышление».

Я выбрала наконец две песни.

Одну — с мелодией, дававшей большие возможности голосу, с приятным текстом, разумеется о любви, но имевшим легкий оттенок философского раздумья.

Вторую вещь, на которую я очень рассчитывала и которая очень мне понравилась, написал старейшина итальянской легкой музыки маэстро Д'Анци. Она представляла собой импровизацию на тему одной из главных мелодий «Трехгрошовой оперы». Песня интересная, новаторская и в то же время достаточно простая, чтобы запомниться слушателю. Она отличалась от сотен других песен, в которых более или менее удачно, но все-таки всегда рассказывалось об «аморе» и различных связанных с ней переживаниях...

Песню эту, как и ряд других, я записала на пробный диск в присутствии композитора и его многочисленных друзей.

Происходило это в маленькой студии, которую удалось достать Карриаджи. Тем не менее в крохотной микшерной поместилось порядочно людей. Пришел Д'Анци, Карриаджи с какой-то женщиной, музыканты, которые перед тем записали фон, тоже остались из любопытства.

Прослушав запись, присутствующие не поскупились на похвалы, а маэстро Д'Анци даже поцеловал меня в лоб. Заказали вино и горячее молоко, дабы «спрыснуть» будущий успех. Молоко предназначалось мне.

Услышанное потом сообщение о том, что песня маэстро Д'Анци не принята и сам он не допущен к участию в фестивале, явилось как гром с ясного неба. По причинам, которые, видимо, навсегда останутся для меня тайной, эта прекрасная песня была отвергнута.

Итак, я очутилась, как говорится, у разбитого корыта — и это перед самым фестивалем! Пьетро предпринял лихорадочные поиски, но самые интересные песни уже стали чьей-нибудь собственностью. Вдруг оказалось, что еще свободна песня Фреда Бонгусто, и я получила ее в самый канун фестиваля.

Текст песни Д'Анци был уже освоен мною, слова же новой предстояло еще выучить. А времени оставалось мало, очень мало, я зубрила чуть ли не целыми днями, чтобы слова хоть немного «улеглись» — ведь всякий текст должен закрепиться в памяти, чтобы в минуты волнения, возникающего при выходе на сцену, «не проглотить язык».

Фестиваль песни в Сан-Ремо проходит в феврале. Маленький садик при гостинице приветствовал нас сочной зеленью деревьев и кустов, готовых со дня на день зацвести. Недоставало только соловьев. Было очень тепло. Какая же это приятная неожиданность лично для меня! Я ликовала прежде всего потому, что в свое время успела порядком продрогнуть под лазурным небом Италии.

Дело в том, что зимой 1962 года я была на двухмесячной стажировке в Риме. Стипендию на два месяца я получила по предложению нашего Министерства культуры и искусства. Это было особенно ценно в ту пору, когда я еще только начинала петь и моя персона вызывала противоречивые мнения.

Раньше я слышала о том, что в Италии стажировались наши оперные артисты, но чтобы эстрадные певцы — никогда.

Я была первой. Это обстоятельство сказалось еще во время визита в студию Итальянского радио и телевидения (РАИ). Карло Бальди, к которому я должна была обратиться, принял стипендиатку из Польши очень любезно, угостил кофе и наконец умолк, явно озабоченный тем, как быть дальше. После долгих раздумий он решил переложить бремя со своих плеч на плечи коллег. Я посетила еще несколько прекрасно оборудованных кабинетов, вызывая замешательство на лицах моих собеседников. Они попросту не знали, что со мной делать.

Стипендии хватило, чтобы платить за жилье (комната отапливалась плохо, а теплые римские зимы — сказки для туристов) и весьма скромно питаться (разумеется, не без помощи посылок из дому). О частных занятиях пением не могло быть и речи. Наконец постановили, что коль скоро я приехала, а средствами для обучения не располагаю, то надо предоставить мне возможность посмотреть разные полезные вещи. Таким образом я обрела право посещать радиопредставления (между делом показали мне все студии). Однажды меня привезли на самую крупную фабрику грампластинок под Римом, познакомили с итальянскими певцами и певицами и даже позволили ассистировать при записи. Совершенствование моего вокала свелось к осмотру очень современной архитектуры всего комплекса зданий фирмы и к более глубокому ознакомлению с великолепной аппаратурой для грамзаписи. На том, собственно, все и кончилось, ибо началась забастовка работников радио и телевидения, которая совершенно парализовала всю жизнь искусства.

Так что я вернулась из Рима в Варшаву, обогатившись впечатлениями, но по части вокала не усовершенствовавшись.

И не жалею об этом. Я ничего не хотела бы менять в своей манере исполнения. У меня выработался свой метод работы над песней, над ее интерпретацией. Занимаюсь этим делом сама, и, хотя охотно выслушиваю все замечания (различия во мнениях, дискуссии, как известно, необходимы, чтобы двигаться вперед), но принимаю те из них, которые в принципе соответствуют моему характеру. Я неоднократно убеждалась, что самое обоснованное, самое интересное новшество, воспринятое вопреки внутреннему убеждению, дает обратный результат.

Написанное здесь отнюдь не свидетельствует о моем самодовольстве. Я только хочу сказать, что певец должен прежде всего сам знать, какую выбрать дорогу, и затем последовательно осуществлять свой план. А это вовсе не так легко, как может показаться...

Кстати, по-моему, люди, не сталкивающиеся непосредственно с жизнью эстрадного артиста, туманно представляют себе, как проходит его день в турне или «при выездах на периферию». Труппа размещается в одном каком-либо месте, в гостинице — это «база», откуда артистов возят на выступления и куда они после возвращаются.

Приехав на место, нужно сперва разложить вещи, проверить микрофоны, прорепетировать с музыкантами те фрагменты песен, в которых не очень уверена, и лишь потом, если останется время, можно забежать в ресторан перекусить. После концерта (иногда двух или трех) запаковать вещи, умыться (если есть где) и снова — на «базу». Бывало, приедем поздно, ресторан закрыт, и тогда ужин заменяли бутерброды, сок, яблоко, а нередко лишь мечты о них. Но, по-моему, именно работа на периферии является превосходной проверкой. Всякий вечер меняются условия, сцена, атмосфера в зрительном зале. Здесь постигаешь весьма непростое искусство жить в коллективе, умение быстро подстраиваться и перестраиваться — и тем самым приобретаешь многое, что необходимо на сцене. Впоследствии, если проверка прошла успешно, если «сценическая бацилла» вызвала «неизлечимую болезнь», можно попробовать показать свое искусство публике в других странах.

Увы, буду вынуждена разрушить и миф о легких заработках певцов и астрономических суммах их гонораров. (Извините, что тем самым доставлю вам разочарование.) Доходы эстрадного певца, который относится к своей работе добросовестно и с полной ответственностью, которому чужды халтура и принцип «все хорошо, за что платят», не отличаются от средних доходов любого поляка. А при этом всякое планирование и рациональное ведение хозяйства совершенно исключаются, поскольку никогда не знаешь, какой суммой в этом месяце ты можешь располагать. К тому же с профессией артиста-«кочевника» сопряжены немалые издержки (взять хотя бы проживание в гостиницах, туалеты, обязательные для фоторекламы, очень часто за свой счет заказанные аранжировки песен и прочее, и прочее).

То, о чем я написала, отнюдь не является слезливыми жалобами по поводу «тяжкой участи бедного певца». Никто ведь насильно не заставлял тебя выбрать именно эту профессию, и большинство из нас не захотело бы ни за какие сокровища в мире сменить ее на другую (даже если имеется в запасе еще одна, более «почтенная»). Мы, конечно, не крезы, но делаем то, что доставляет нам радость,— мы имеем возможность петь и, что еще важнее, знаем, что пение для нас и является целью, а не средством для достижения каких-либо благ...

Однако вернемся в Сан-Ремо.

Окончание следует

Перевела с польского Р. БЕЛЛО

АХ, ЮНОСТЬ БЫ ЗНАЛА, ах, старость могла б... Впрочем, содержание фильма Милоша Формана «Амадеус» (Питер Шафер специально переписал для кино свою известную одноименную пьесу, которая поставлена среди прочих Британским национальным театром, на Бродвее и в Москве во МХАТе), конечно же, не только об этом. Вольфганг Амадеус Моцарт (актер Том Халс) юн, талантлив, пылок, искренен и никак не желает «вписываться» в жесткие рамки «можно — нельзя» придворных нравов габсбургского двора. Признанный музыкальный «лев» Вены, придворный музыкант и образцовый царедворец Антонио Сальери (Мюррей Абрахам), наоборот, свое место знает, более того — ревностно исполняет свою роль слуги среди хозяев, роль главного «аранжировщика» травли своенравного гения. И еще одну главную роль в фильме играет сама музыка Моцарта — большие куски из четырех опер, концертов, «Реквиема» — роль, сыгранная прекрасно! И вообще, как пишут, фильм удался, но... вряд ли даст даже средний сбор. Дело в том, опасается кинокритик журнала «Тайм», что сейчас Моцарт среди широкой американской публики не столь уж популярен: «Ведь имя его не мелькало ни в одном из последних хит-парадов»...

ХОРОШО БЫ В ДЕТСТВО ВПАСТЬ... «Но критики определили твою работу как дилетантскую и безвкусную»,— обращается к 42-летнему бывшему «битлу» Полу Маккартни итальянский журналист. «А я могу утверждать, что эти их комментарии — сплошная безвкусица»,— отвечает Пол Маккартни. Разговор состоялся по поводу выхода на экраны фильма «Передайте поклон Броуд-стрит»; в котором Пол был сценаристом, режиссером и, конечно, исполнителем главной роли. «Я хотел сделать фильм-самопародию. Такой вот я в нем: чудаковатый и бестолковый. Стареть — это не значит думать только о серьезных вещах: я бы хотел всегда смотреть на дождь глазами ребенка. А что до критиков, так они и мою песню «Черное дерево и слоновая кость», в которой говорится, что люди разных цветов кожи должны жить в такой же гармонии, как клавиши рояля, тоже назвали «несерьезной»...

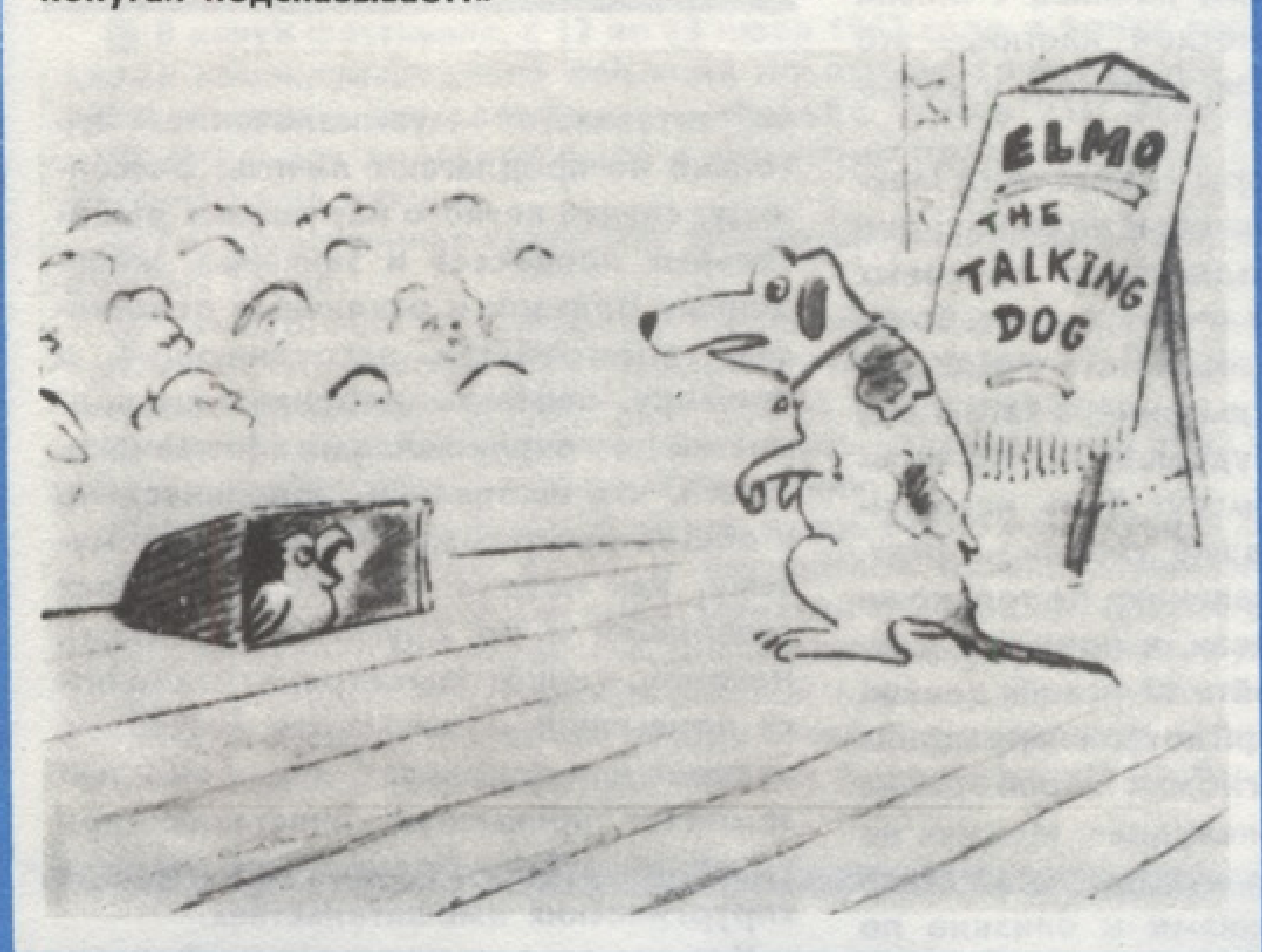
НУ А ЕСЛИ крутить педали быстро-быстро, то тогда велосипед поднимется в небо!.. Ведь это так, и уже видел он все это во сне. Рэмонд Джимми, швейцарец, которому сейчас уже 27 и которого некоторые знакомые считают, ну как бы это выразиться, чудаком, что ли, исполнил-таки свою детскую мечту. Правда, несколько схитрив. Он съехал на велосипеде из люка самолета, секунд семьдесят крутил педали, потом открыл парашют велосипеда, потом свой и... приземлился счастливым.

НУ А ЕСЛИ крутить педали на земле, то тут даже на специально сконструированных спортивных велосипедах даже чемпионы достигают на треке скорости не выше 51,1 километра в час — таков рекорд итальянца Франческо Мозера. Главным ограничителем скорости тут выступает сила сопротивления воздуха.

Модель, которую вы видите на снимке, выполнена по всем законам аэродинамики и из легчайших материалов (вес — 19 килограммов) и общего с велосипедом имеет разве что педали. Рекордная скорость, развитая «Вектором»,— 94,75 километра в час!

А ЧТО РИСУЮТ! Аттракцион «Говорящая собака» или, как бы сказал известный персонаж: «Ну, дурят людей! Ей же все попугай подсказывает!»

ОЧИ СТРАСТНЫЕ, ГАИОПАСНЫЕ... Там, где днем стоял старый развалюха-дом, голубым миражем подрагивает храм Афины Паллады. Там, где начиналась стена парка, маршируют легионеры Цезаря. На автостоянке вырастают пирамиды Хеопса. Пирамиды и храмы вздрагивают, гигантские Мики Маусы раскачиваются, и шевелятся ящеры — землетрясение! Нет, это французский фотохудожник Макс Херге покачивает свой диапроектор, и гигантские слайды подрагивают на стенах домов, на поверхности Сены, на облачном небе... В общем-то, все довольны нежданными чудесами, кроме полиции. Потому что вот эти, к примеру, огромные светящиеся глаза, глядевшие со стены дома, вызвали затор, который продолжался ночь, день и снова ночь...

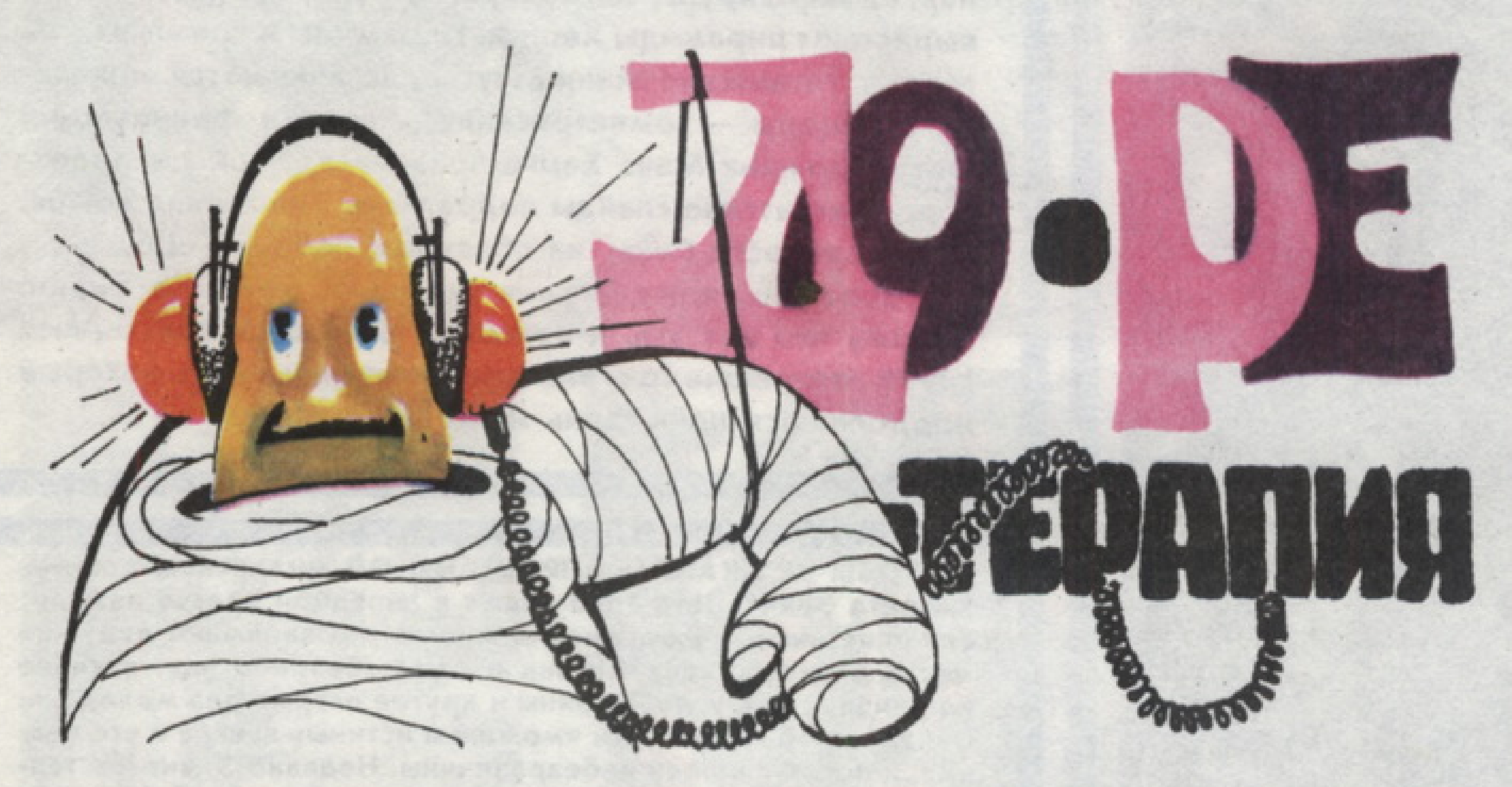

ПУТИ «ЭКСПЕРТОВ» ИСПОВЕДИМЫ. Согласитесь, это чего-нибудь да стоит — заслужить в престижном американском журнале «Лайф» цветное фото на целый разворот (даже посмертно), но бывший полковник СС Вальтер Рауф его заслужил: Рауф, изобретатель передвижных газовых камер, повинен в смерти 200 тысяч человек из СССР, Польши, Югославии. Недавно вытащенный на свет секретный доклад госдепартамента США несколько проясняет обстоятельства, позволившие ему избежать кары: в апреле 1945 года нацистский преступник был схвачен в Милане американскими службами, но уже в 1946-м ...исчез, позже был «зафиксирован» в роли преподавателя в одном из римских сиротских приютов (!), а потом «неизвестным способом» (а не были ли причастны к этому «способу» американские спецслужбы — вспомните хотя бы о судьбе палача Лиона К. Барбье!!) оказался в безопасных краях, вотчинах латиноамериканских диктаторов. В последние годы он подвизался в Чили у Пиночета, где исполнял роль «консультанта и эксперта по борьбе с коммунизмом». Здесь в окружении соратников и сообщников он и почил, о чем счел нужным сообщить влиятельный американский журнал.

ЧТОБЫ НЕ СКАЗАТЬ «ПРОЩАЙ». Об английском рок-музыканте Элвисе Костелло пишут в западной прессе немало: его пластинки на протяжении многих лет занимают ведущие места в хит-парадах Англии и США. Безработица, насилие над личностью, угроза войны и другие острые для молодежи Запада проблемы — эти «моменты истины» всегда в его песнях, и потому они ей небезразличны. Недавно Элвис Костелло выпустил пластинку «Прощай, жестокий мир». «Теперь обо мне замолчат надолго, потому что я решил: пора обдумать пройденное и попристальней взглянуть в будущее. И пусть мы называем наш мир жестоким, надо делать все, чтобы он, хоть такой, сохранился, чтобы нам не пришлось распрощаться с ним навсегда».

Сообщения о том, что к музыке весьма неравнодушны коровы (как пишут из Австрии, их буренки под вальсы австрийского же композитора Иоганна Штрауса прибавляют в надоях до 35 процентов), а также растения (доктор А. Синг из индийского института ботаники утверждает, что под музыку он увеличил производство табака и риса на 50 процентов, правда, какую именно музыку любят табак и рис, не говорит), сегодня удивления на вызывают. Подобные сведения регулярно появляются в газетах и журналах в рубриках типа «Курьезы», «Ну и ну» и проч. Отнюдь не тайна, что люди тоже, хотя и по-разному, неравнодушны к музыке. В конце концов, как говорил еще Цицерон, «музыку рождает любовь».

...Любовь, доброта — разве это не самые эффективные лекарства из всех изобретенных на земле! Задавшись этим вопросом, мы переходим собственно к теме заметок: музыке — как средству терапии. Не будем говорить здесь о том, что древний человек, как, впрочем, и современные шаманы, использовали и используют музыку, прежде всего один из ее компонентов — ритм, для погружения человека в то или иное состояние: прострации или, скажем, предельного возбуждения. Обратимся к взаимоотношениям музыки и медицины как науки. Еще в 1811 году некий Пьетро Линхенталь выпустил «Трактат о влиянии музыки на человеческое тело». Наблюдения за этим влиянием весьма активно велись и в начале нашего века, но потом в связи с триумфом фармакологии практически приостановились. Однако сегодня музыкотерапия переживает, судя по сообщениям прессы, настоящее возрождение.

...Когда в конце прошлого века Иоганн Мальцель работал над усовершенствованием метронома, в качестве отправной точки. он принял частоту 60 ударов в минуту, «как у нормального человеческого сердца» (сейчас нормальной считается, правда, и частота, приближающаяся к 80 ударам в минуту). Важно отметить и такое обстоятельство: вся жизнь, начиная с жизни атомов и человеческой клетки,— это ритм, вибрация. Как, впрочем, и музыка.

Экспериментаторы из института Макса Планка поставили опыт на рыбах: они подвергли их воздействию звуковых волн, испускаемых через равные большие интервалы. В результате у рыб сначала замедлилось дыхание, а затем они стали погибать от удушья. То, что ритм и тембр музыки могут быть источниками болезни и даже гибели,— факт, доказанный, к сожалению, не только на рыбах. Зафиксирован, к примеру, случай, когда в Детройте 17-летняя девушка была прямо из дискотеки направлена в больницу с диагнозом «прободение передней стенки желудка». Медики не сомневались в том, что причиной стали усиленные динамиками и близкие по диапазону звучания к инфразвуку мелодии того вечера. Звуки этого диапазона вообще «автоматически» вызывают у людей состояния беспокойства, тревоги, вплоть до стрессовых кризисов. Не случайно, кстати говоря, западные киномастера «фильмов ужаса» прибегают именно к ним в качестве музыкального сопровождения.

Очевидно, «противоположная» музыка может вызывать и противоположные эффекты и тем самым стать своего рода лекарством! В частности, медики фиксируют положительное влияние музыки на ускорение обмена веществ, снятие нервного напряжения, усиление мускульной энергии, благотворное воздействие на дыхательные процессы, регуляцию кровяного давления, понижение болевого порога и прочее и прочее. Возможно, именно потому, что до сих пор непонятен сам механизм воздействия музыки на здоровье человека, в настоящее время появилось столько энтузиастов музыколечения. Что только не предлагают лечить: бессонницу, случаи легкого нарушения двигательных процессов и заикание, желудочные болезни и различные психические расстройства, затрудняющие, к примеру, контакты ребенка или подростка с окружающими (отмечено, кстати, что школьники, дополнительно к общей программе обучающиеся музыке, как правило, опережают своих товарищей и по другим предметам). Наконец, в некоторых странах становится привычной музыкальная анестезия, которая или дополняет, или полностью заменяет привычную анестезию при удалении зубов, родах, разного рода хирургических вмешательствах.

Как это всегда случается на Западе, разговоры, семинары, публикации о музыкотерапии подтолкнули оборотистых деловых людей «откликнуться» на зов времени, и вот уже появились кассеты «от головы», «от желудка». Однако серьезные сторонники музыкотерапии — и медики, и музыканты, например знаменитый австрийский дирижер, сын, кстати, врача, Герберт фон Караян является руководителем одного из центров музыкотерапии — все они подчеркивают, что музыкотерапия не чудо и не панацея и заменить фармакологию не в состоянии. «Да — музыкотерапевтам! Нет — музыкознахарям!» — таков их лозунг. И еще одно важное обстоятельство: как и всякое лечение, музыкотерапия — вещь абсолютно индивидуальная, зависящая от психики каждого отдельного человека. Если «старая школа» признавала универсальность отдельных инструментов: флейта — от чувства тревоги, скрипка — от мигрени, ксилофон — для успокоения слишком агрессивных, мелодичные пьесы — от бессонницы, рояль — для повышения чувства уверенности в себе, то «новая школа» непременно настаивает на том, что музыка должна подбираться, как выражаются врачи, «ад персонам», то есть индивидуально.

И все же нетерпеливые журналисты пристают к экспертам: ну, дайте нам хоть какой-нибудь список, пусть достаточно условный. Эксперты, как правило, морщатся, но все же, предупредив на всякий случай, что симфонии Бетховена не писались под контролем министерства здравоохранения, единодушно отмечают: рок — плохая штука для больных гастритом...

С. КИРИЛЛОВ

ПОЛЦАРСТВА ЗА МЕЛОДИЮ...

Рис. И. АЙДАРОВА

Вольфганг РЕЛЬ,
западногерманский журналист

...А тем, кому мелодии его новых песенок кажутся знакомыми, композитор Ральф Зигель с достоинством отвечает: «Просто я человек, который вмещает всю музыку мира». Однако комиссии по авторскому праву западногерманского земельного суда эта выдающаяся способность Зигеля показалась подозрительной: уж слишком многие заметили, что мелодия песенки «Немножко покоя», за которую Ральф Зигель получил «Гран-при» на конкурсе Евровидения в 1982 году, мягко говоря, заимствована. А опытные эксперты пришли к выводу, что налицо типичный пример плагиата. Зигель, однако, упрямо отказывается признать, что попользовался появившимся в 1973 году шлягером австрийца Отто Демлера «Вся любовь этой земли». В своей решимости отстаивать «справедливость» Зигель готов дойти до верховного суда. Если и там дело обернется не в его пользу, «сочинителю», помимо судебных издержек, придется выплатить настоящему автору 400 тысяч марок. Впрочем, на «Немножко покоя» Зигель заработал совсем не немножко: с этой песней вышло уже 540 тысяч дисков-гигантов и 120 тысяч синглов. Эта и другие песни, «вместившие всю музыку мира», принесли Зигелю еще и «роллс-ройс», и совладение шестьюдесятью фирмами, к музыке, правда, отношения не имеющими...

Ральф Зигель — первый западногерманский композитор, которому предъявлен судебный иск по такому щекотливому вопросу. Но далеко не первый сочинитель легкой музыки, который не стесняет себя вопросами этики. Все чаще к авторам популярных песенок обращаются с претензиями их истинные сочинители. И почти всегда безуспешно. Так, в 1971 году ничем закончились попытки одного оперного композитора разоблачить Герхарда Вендланда, автора популярной тогда песенки «Танцуй со мной утром». Отказал суд и одному собирателю фольклорных мелодий в его иске к Тони Маршаллу, который украл у него песню «Красивая девушка».

Победой, однако, окончилась в 1981 году десятилетняя борьба одного американского музыкального издательства с экс-битлом Джорджем Харрисоном. Издательство сумело доказать, что супер-хит Харрисона «Мой бог» построен на мелодии группы «Тини», популярной в 1963 году. А гамбургское издательство «Чэппел» отвоевало после затяжной позиционной войны свою половину авторских прав на «Мехико» группы «Лес Хамфриз сингерз»: издательство в свое время опубликовало ее как песню «Битва при Новом Орлеане».

Конкретного определения плагиата нет нигде. Этому явлению название дал Марциал, римский поэт, когда его конкурент Фидентиус выдавал стихи Марциала за свои. Сегодня юристы понимают под плагиатом «сознательное присвоение чужого творчества»: мелодии, взятые под охрану авторского права, «не должны узнаваться в произведениях других музыкантов». Но Берт Кемпферт, например, который в знаменитой песне «Странники в ночи» обработал сразу 20 тактов, заимствованных у разных композиторов, однако вовсе не считается плагиатором. Куда проще с произведениями, чьи авторы уже давно на том свете: Баха или Бетховена буквально терзают на куски — классики мало заботились о своих авторских правах.

На процессах по поводу музыкального плагиата судьи часто чувствуют полную беспомощность. Как разобраться, является ли песня сознательным заимствованием, плодом случайного совпадения или, что чаще и бывает, примером криптемнезии — бессознательным воспроизведением где-то случайно услышанной мелодии!

А пока западноберлинский музыкальный карлик «Ангел» ведет процесс против американского великана грамзаписи Си-би-эс. Повод: поп-группа «Земля, ветер и огонь» позаимствовала свой супер-хит «Фэнтэзи» у группы «Демо-Бэнд», которая записывается в «Ангеле», но посылала свои вещи и в Си-би-эс.

И последний пример: композитор Флориал Хайдт «заимствовал» свою «Волшебную мелодию» у одного итальянца, записывающегося на фирме «Газебо». Но «Газебо» помалкивает, ведь эта фирма — дочернее предприятие концерна И-эм-ай. А у Хайдта как раз с И-эм-ай договор.

Перевел с немецкого
М. ПАВЛОВ

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Э. М. САГАЛАЕВ, Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Нeждановой
Технический редактор Н. А. Строева

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 16.11.84. Подп. к печ. 18.12.84. А15173. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 250 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2061.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ПЕСНИ ТЕХ, ФЕСТИВАЛЬНЫХ, ЛЕТ...

Эту песню написали в середине шестидесятых годов нашего века американцы Фред Хеллерман и Фрэн Минкофф. «О, река исцеляющая, пошли свои воды на эту землю. Пошли свои воды, чтобы смыть кровь. Эта земля иссохла, эта земля жаждет... О, река исцеляющая, пошли свои воды на эту землю, пусть семя свободы проснется, вспои корни свободы, и пусть древо свободы проснется, вспои корни свободы, и пусть древо свободы протянет свои гордые ветки к высокому небу»,— песня в стиле госпел, в стиле песнопений американских негров-рабов века прошлого. Нужна была такая песня в шестидесятые годы, и не отпала в ней нужда поныне: в этом номере помещены два репортажа о судах Линча — в прошлом веке и в наши дни. Тема бесчестия Америки — расизма — была актуальна для честных американцев всегда. О ней говорили они на каждом фестивале. И, как показывает жизнь, тема этой песни продолжает быть злободневной...

Новые и новые эскизы значков, открыток, эмблем и плакатов, посвященных приближающемуся XII Всемирному, выполненные профессиональными художниками и любителями, поступают на конкурс Советского подготовительного комитета. 650 тысяч значков серии, которую вы видите на снимке, появятся в Москве в предфестивальные дни.

Healing River

Slow and gospel like

Chorus

O healing river, send down your waters, Send down your waters upon this land; O healing river, send down your waters, To wash the blood from off the sand. *Fine*

Verse

This land is parching, this land is thirsting, No seed is growing in the barren ground, This land is parching, this land is thirsting, O healing river send your waters down. Let the seed of freedom awake and flourish, Let the deep roots nourish, Let the tall stalks rise, Let the seed of freedom awake and flourish, Proud leaves uncurling against the skies.

Индекс 70781
Цена 35 коп.